

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1
«Королева скандинавского криминального романа»

Хеннинг Манкель

ЛИЗА

Продано более
15 000 000
экземпляров,
переведено
на 30 языков мира.

МАРКЛУНД

ДУРНАЯ
КРОВЬ

Захватывающий роман
о жестком противостоянии
и мести. Талантливо,
остро, современно.

Sydsvenskan

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Дурная кровь

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Марклунд Л.

Дурная кровь / Л. Марклунд — «Центрполиграф»,
2015 — (Анника Бенгтзон)

ISBN 978-5-227-07714-1

Маньяк-психопат, жестоко расправляющийся со своими жертвами, зарывает в лесу последнее тело. Впереди у него долгожданные перемены в судьбе, в предвкушении которых он наслаждается потрясающим ощущением свободы и безнаказанности. А в это время Анника Бенгтзон, журналист стокгольмской газеты «Квельспрессен», известная своими сенсационными криминальными материалами, интересуется судебными слушаниями по поводу серии убийств, прокатившихся по всей Европе. В них, возможно, виновен взятый под стражу убийца-изувер Ивар Берглунд. Анника не подозревает, что косвенное участие в этом расследовании чревато для нее самой и ее близких смертельной опасностью.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-07714-1

© Марклунд Л., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Понедельник. 1 июня	6
Вторник. 2 июня	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лиза Марклунд

Дурная кровь

Liza Marklund
Järnblod

© Liza Marklund, 2015

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Понедельник. 1 июня

Это было последнее тело.

Ощущение он испытывал потрясающее, словно при расставании, и буквально купался в нем, не обращая внимания на шум листьев в кронах деревьев, казалось осыпавших его проклятиями.

При всей невзрачности место отличалось своеобразной непередаваемой красотой и со временем стало почти сакральным для него: бросовая земля, свечение стволов сухих сосен, береза с летучими мышами.

Восемь он уже оставил здесь, это стало девятым. Он помнил их всех, и не столько лица, сколько тона, частоты, вибрации, излучаемые ими, пока они еще сохраняли способность дышать.

Но хватит думать об этом.

Последнее тело.

Он опустил на него взгляд.

Джинсы и кроссовки, рубашка, ремень, коричневая куртка. Отличный экземпляр homo sapiens, ему представился случай лично убедиться в этом, они общались какое-то время. Красивая одежда того фасона, какая нравилась ему самому. Между делом он даже пожалел, что придется уничтожить ее и все радовавшие глаз личные принадлежности. Его с детства приучили беречь вещи, заботиться о природе и окружающей среде.

Он посмотрел на небо. Оно нависало так низко, что облака, казалось, причесывали волосы, проплывая вплотную к головам людей. Скоро солнце перестанет опускаться за горизонт вплоть до самой осени, когда холод сорвет листья с деревьев, и русская зима придет с востока.

Он скучал по своему брату.

Всю жизнь они были единым целым, отражением друг друга в зеркале, делились мыслями и чувствами, но сейчас между ними грозила разверзнуться пропасть, такое ощущение не покидало его. Он следил за тем, что происходило в суде, но одиночество мучило его, а способность выносить страдания оставляла желать лучшего.

Он тщательно вытер мхом старинный инструмент для забоя скота.

Ему требовалось разделить боль.

– Ты выглядишь не лучшим образом, – сказала психолог. – Что случилось?

Анника обеспокоенно заерзала в массивном кресле. Она чувствовала себя в нем слишком худой и неуклюжей. Ладони ее рук, которыми она держалась за подлокотники, чтобы не утонуть в мягком сиденье, стали влажными от пота. Как много других клиентов побывало здесь и потело до нее? Наверное, грубая ткань обивки хранила следы множества пропитанных страхом испарений.

Она торопливо убрала руки с подлокотников и с силой потерла их о колени.

– Я была и в районной поликлинике, и в центре здоровья, меня обследовали вдоль и поперек. В физическом плане со мной все нормально, поэтому... да, Джимми, мой гражданский муж, посчитал, что мне надо прийти сюда.

– То есть это было не твое собственное решение?

Вопрос выглядел вполне невинным, не содержал осуждения. Анника бросила быстрый взгляд на женщину, сидевшую по другую сторону деревянного стола. Ее лицо подобно голосу не выражало никаких эмоций. О чем она, интересно, думала? Считала Аннику напрасной тратой времени? Занимающей место кого-то иного, кому действительно требовалась помощь? Или она вполне устраивала ее в качестве источника дохода?

Анника потянулась за стаканом воды, стоящим на столе между ними. Рядом с ним лежала коробка с салфетками. Неужели ожидалось, что она будет сидеть здесь и плакать навзрыд? Может, так все поступали? И если она не плакала, это считалось отклонением от нормы?

– Я пошла на это ради детей. Я пугаю их. Или, точнее говоря, так произошло в этот раз.

– Когда они застали тебя в состоянии панической атаки?

Анника обеспокоенно заерзала в кресле. У нее онемели ноги, затекла спина. Ей никак не удавалось найти удобное положение, в конце концов она сдалась и попыталась расслабиться.

– Ты можешь рассказать о своем приступе?

Свет потолочного светильника отражался в очках психолога. Для нее это был самый обычный рабочий день. Пожалуй, она собиралась съесть лазанью на обед, прогуляться или зайти в химчистку.

– Да... все произошло в прихожей. Я упала на пол, не могла дышать, у меня потемнело в глазах... Серена и Якоб, это дети Джимми, как раз пришли домой из школы, и... да, они вызвали скорую. – Анника выпила еще немного воды. – Медики поднялись с носилками и всем остальным, но я отослала их.

– Ты знала, что с тобой происходит, поскольку подобное случалось прежде?

Темнота, стеной заслонившая обзор, тени, кружившиеся непрерывным хороводом и забиравшие воздух, и звуки, и угасающее сознание... Они были не опасны и в конце концов исчезали, и все возвращалось на круги своя. Ощущение, словно руки горят огнем, и резь в глазах, и голова запрокидывалась, колени подгибались, кислород прекращал поступать в легкие, а потом приходила темнота и поглощала тебя, и ты падал, падал и падал. Это было не опасно, она же не умерла до сих пор.

Анника откашлялась.

– Со мной все нормально. Я здорова как никогда.

– Тебе известно, что такое панический страх?

Ну, она порылась в Интернете, стыдясь этого, втайне от всех. На обычных, нормальных, здоровых людей внезапно не наваливалась темнота в компании с призраками.

– Но сейчас моя жизнь наладилась, и я чувствую себя совсем неплохо. Нет никакого страха, то есть не тот случай.

– Можно испытывать страх, не зная о нем, – сказала психолог. – Многие, у кого случаются панические атаки, считают, что речь идет об инфаркте, и обращаются в скорую.

– Но почему я почувствовала себя хуже?

– По-твоему, приступ оказался более тяжелым?

Анника посмотрела в окно. Все утро шел дождь, капли по-прежнему спешили вниз по оконному стеклу, но сейчас, похоже, он почти закончился.

– Я действительно не понимаю, в чем причина, у меня никогда жизнь не складывалась так хорошо. Я... у нас просто отличные отношения, нет проблем с детьми, все прекрасно на работе, мой бывший муж ведет себя по-человечески. Я даже подружилась с Софией, женщиной, с которой он изменил мне когда-то...

– А как ты сама думаешь, в чем причина?

Внезапно Аннику охватила злость: так ей, выходит, самой нужно найти ответы на все вопросы? За что она тогда, собственно, платит деньги?

Она почувствовала, как ее челюсти сжались.

– Ты была еще очень молода, когда умер твой отец, – продолжила психолог и полистала свои бумаги. – Между вами были близкие отношения?

Ага, да, сейчас ей придется вспоминать свое детство. Анника разгладила джинсы на бедрах.

– С той поры прошло больше двадцати лет...

В комнате воцарилась тишина. С улицы долетал шум проезжавших машин. Носовые платки в картонной коробке еле заметно шевелились под действием невидимого сквозняка. Спина чесалась там, где соприкасалась с обивкой кресла.

– Но твоя мать жива? Какие у тебя отношения с ней?

Анника посмотрела на свои часы.

– Как долго будет продолжаться наша встреча? Когда я смогу уйти отсюда?

Психолог откинулась на спинку кресла. Интересно, у нее тоже зачесалась спина?

– Мы можем закончить сейчас, если хочешь.

Анника не сдвинулась с места, ее тело как бы налилось свинцом. Ей предлагают удалиться? И это притом, что она сама заранее выбрала продолжительность их беседы? Выложив одиннадцать сотен крон за час?

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

Психолог бросила взгляд на настенные часы.

– У тебя еще есть время, – сказала она. – Тебе решать, хочешь ты остаться или нет.

Комната как бы дала усадку, Анника почувствовала давление на затылок. Разве она пришла сюда не за помощью? Не за тем, чтобы найти выход из ситуации?

Женщина улыбнулась ей:

– По мне лучше, если ты останешься.

Шум машин стих. О чем она спросила? О ее матери?

Анника постаралась взять себя в руки, чтобы снова не погрузиться в темноту, прятаясь где-то за спиной.

– Она... мама не любит меня.

– Почему, как ты думаешь?

– Ей пришлось выйти из-за меня замуж, она не смогла получить образование в сфере искусств. Она так никогда и не простила меня.

Психолог какое-то время смотрела на нее молча, потом заглянула в свои записи.

– У тебя есть сестра, Биргитта... Вы с ней общаетесь?

Анника попыталась улыбнуться.

– О том, что у нее родился ребенок, я узнала через «Фейсбук», понятия не имела, что она беременна.

– И так было всегда?

– Мы делили комнату, пока росли, сейчас я даже не знаю, где она живет.

Психолог кивнула и сделала пометку в маленьком блокноте.

– Ты сообщила в разделе «Прочие данные», когда заполняла формуляр, что тебя судили за какое-то преступление пятнадцать лет назад. Не хочешь рассказать об этом?

Комната стала еще теснее, темнота гладила ее по затылку.

– Причинение смерти по неосторожности. Два года испытательного срока. Мой парень, Свен... Это был... несчастный случай, можно так сказать...

Ее слова эхом отозвались в маленькой комнате. Психолог не отреагировала. Она все так же неподвижно сидела в кресле с другой стороны маленького стола, скрестив ноги и положив руки на колени.

– Как ты чувствуешь себя, когда рассказываешь об этом?

Станный громкий гул возник у Анники в голове, он появился неизвестно откуда и не собирався затихать, ей пришлось повысить голос, чтобы она могла слышать себя.

– Ничего особенного. Пятнадцать лет, много воды утекло.

– У тебя в теле не осталось никакого ощущения? В животе, в горле, в груди?

Это были всего лишь слова. Они не могли навредить ей. Если бы она просто отключила этот шум, то смогла бы говорить, ей требовалось победить окружавшую ее темноту, тогда она смогла бы дышать.

Центральная редакция газеты «Квельспрессен», как обычно, утопала в голубоватом свете. Анника увидела Берит Хамрин. Та колдовала у своего компьютера, уйдя с головой в работу. Уже пятнадцать лет Анника проводила большую часть свободного от сна времени в этой комнате, не жалея сил в охоте за тем, что уже случилось или только назревало, и почти постоянно коллега Хамрин сидела на соседнем стуле.

Она опустила свою сумку на их с Берит общий стол, стащила с себя куртку и бросила ее на подлокотник кресла. Коллега была старше Анники, имела взрослых детей и вместе с мужем жила в усадьбе за городом.

– Как дела со скандалом в «Твиттере»? – спросила Анника.

Берит вздохнула:

– Дамочка с телевидения попросила прощения за свои нападки на звезду сериалов в новом сообщении, и звезда приняла ее извинения репликой на «Фейсбуке».

Ощущения, нахлынувшие на Аннику в тесной комнате психолога, сейчас оставили ее.

– Приятный конец для всех, – заметила она.

Темнота, еще недавно окружавшая ее, не давая дышать, расплзлась по углам. В редакции она почти всегда знала свое место. Здесь царила особая обстановка, делавшая мир ясным и понятным. Толкование действительности, постоянный круговорот событий... Она была неотъемлемой и далеко не самой пустячной частью всего этого. Одних только версий газеты насчитывалось четыре. Тираж с пятью крестами, называемый лесным, печатали по всей стране или распространяли с помощью транспортных самолетов на рассвете. Помимо него существовал еще вариант с тремя крестами, дополненное издание, предназначенное для больших городов и их окрестностей, а также эксклюзивное новостное приложение для столицы, вы ходившее в случае чрезвычайных ситуаций или важных общественных событий вроде помолвки принцессы, с одним крестом.

Плюс полуфабрикат с семью крестами, объект ее особой антипатии, существовавший только во внутренней сети газеты.

Аника включила свой компьютер и принесла себе кофе, пока загружалась программа. Она устроилась перед монитором с горьким напитком в руке и постаралась сосредоточиться на работе.

Версия с семью крестами являла собой мечты шефа новостей относительно того, как должны выглядеть публикации следующего дня, с готовыми заголовками, фотографиями и текстом под ними. Репортерам оставалось лишь добавить действительность так, чтобы она соответствовала утопии.

Гвоздем гипотетического завтрашнего номера являлась история Берит о теледиве, авторе передовиц провинциальной газетенки, каждую третью среду появлявшейся в одной из утренних телепрограмм, которая написала злой комментарий в «Твиттере» о бывшей звезде сериалов, позволившей себе немного расползнуться. Шеф новостей Патрик Нильссон обладал непостижимой способностью отыскивать в Интернете мелкие легкомысленные высказывания и превращать их в газете в грандиозные скандалы. На этот раз он тоже не пожалел пороха. Предварительный заголовок кричал:

«ТЕЛЕДИВА ТРАВИТ РОЗУ ИЗ-ЗА ВЕСА».

Там же имелась фотография стройной блондинки с соответствующим текстом под ней:

«Розу до глубины души оскорбило язвительное замечание теледивы».

– Ожидаемая буря в соцсетях, к сожалению, улеглась, даже не начавшись, – констатировала Берит.

Аника прекрасно поняла, что коллега имела в виду. Назревавшая в Интернете жаркая дискуссия, которую газета собиралась цитировать и поддерживать, так и не достигла накала (нескольких отдельных фраз из серии «неужели внешний вид женщин всегда надо комменти-

ровать» могло хватить на крайний случай, но даже ничего такого не нашлось). А потому истории о Розе и ее предполагаемом оскорблении предстояло отправиться в медийную мусорную корзину еще до того, как она возникла.

– На мой взгляд, Розе, конечно, стоило бы прибавить пару килограммов, – заметила

Берит. – Это только пошло бы на пользу ее здоровью. Чем будешь заниматься сегодня?

– Убийством Жозефины.

Берит подняла от компьютера глаза и сняла очки.

– Лето, когда Швеция была банановой республикой. Тогда жара стояла как в печке, у нас инфляция скакнула до небес, и мы очень хорошо играли в футбол.

– Пятнадцать лет назад, – поддержала разговор Анника. – Первая статья за моей подписью.

Берит снова надела очки и вернулась к язвительному замечанию в адрес Розы, Анника тем временем вытащила на экран исходный материал.

В течение весны читателям предоставили возможность проголосовать по поводу того, о каких исторических преступлениях они хотели бы еще прочитать (это называлось интерактивностью и было девизом нового времени). И сейчас Анника пожинала плоды той акции, в принципе затеянной ею самой, когда она с удивлением обнаружила, что многие громкие старые дела, по которым ей в свое время пришлось делать статьи и видеосюжеты, в большинстве своем положительно встреченные читателями и зрителями и поспособствовавшие увеличению тиражей, не забыты и по-прежнему популярны. Телевидение драматизировало их и отслеживало судьбы участников событий, все газеты посвящали им приложения, известные писатели публиковали документальные романы о старых делах. И поэтому ей показалось интересным обратиться к каким-то из них снова.

Она просмотрела подробности преступления, которое назвали «СЕКСУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО НА КЛАДБИЩЕ».

Деятнадцатилетнюю Жозефину Лильеберг жарким субботним утром нашли голой и задушенной за надгробием. Это преступление так и осталось нераскрытым.

Анника кликнула по портрету девушки, сделанному после выпускных экзаменов в школе, – белая шапочка на белокурых волосах, блестящие глаза. Она работала стриптизершей в порноклубе «Студия шесть». Анника, по ее собственному мнению, знала, кто убил беднягу: Йоахим, парень Жозефины, владевший заведением. Клуб давно приказал долго жить, но Йоахим еще существовал где-то в этом мире, вероятно, в теневой его части, где ему, скользкому типу со змеиными глазками, и было место.

Берит вздохнула и посмотрела на часы.

– Похоже, мне придется оставить бедную костлявую Розу в покое до лучших времен, – сказала она и закрыла ноутбук.

– Пойдешь в суд?

Берит отслеживала судебный процесс в отношении владельца фирмы по торговле лесом Ивара Берглунда, которого газеты наградили прозвищем Дровосек и чье дело уже вторую неделю рассматривалось в Стокгольмском суде.

– Сегодня в качестве свидетеля должны допросить полицейского, арестовавшего его. Ты не в курсе, какое отношение Берглунд имеет к избитому в районе Солсидан политику?

Анника уложила волосы в узел на затылке.

Случай выглядел далеко не самым простым. Одинокого пятидесятипятилетнего мужчину из местечка Видсель в Норботтене обвиняли в жестоком убийстве бродяги в Наке год назад. Анника написала статьи, которые привели к его аресту. Она также первой сообщила новость о его задержании, благодаря чему «Квельспрессен» в тот вечер победила в войне за тираж. Затем она написала еще серию больших статей об этом человеке, снимала его дом и хозяйственные помещения, ознакомилась со всеми доступными годовыми отчетами его

фирмы, поговорила с клиентами и соседями – короче говоря, создала то, что на газетном языке называлось «Документальной драмой».

– Это Нина Хофман поймала его, – сказала Анника. – Нина рассказала мне подробности, и пусть мы не можем посвящать в это публику, она уверена, что убийство бродяги и нанесение тяжких телесных повреждений Ингемару Лербергу дело рук одного и того же человека. Данные преступления разделяют всего несколько дней, и оба случая многое связывает.

– Ничто в обвинении не указывает на эту связь, – заметила Берит.

– Все так, – согласилась Анника. – Но убитый бродяга числился владельцем испанских фирм Норы Лерберг. На месте убийства в Наке полиция обнаружила детский рисунок, выполненный примерно такими же мелками, какие нашли у детей Лерберга. И насилие было из той же серии. Это, конечно, не доказательства, но вряд ли случайность. Оба события, скорее всего, связаны.

– Улики против Берглунда слабые, – сделала вывод Берит. – Интересно будет посмотреть, удастся ли им добиться его осуждения.

– Ты видела пожелания Патрика в семи крестах? – спросила Анника.

Предварительный заголовок во внутренней сети газеты кричал:

«ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ ДРОВОСЕКА – он подрабатывал палачом»

Аника снова открыла версию с семьей крестами. Там хватало других новостей, запланированных на этот вечер. Приближался Национальный день Швеции, и как следствие возник вопрос, сможет ли принцесса Мадлен добраться домой через Атлантику и принять участие в праздничных мероприятиях в Скансене вместе с королевской семьей. И все под заголовком «МАДЛЕН ИЗМЕНЯЕТ ШВЕДСКОМУ НАРОДУ», словно вся нация сидела, затаив дыхание, в ожидании, что младшее королевское чадо покинет свою квартиру на Манхэттене и натянет на себя не слишком идущий ему национальный костюм. Также предполагалось, что некая спортивная звезда выскажется о возможном допинговом скандале, прогнозировалась страшная жара, и, судя по последним опросам общественного мнения, правительство могло проиграть в результате осенних выборов в риксдаг.

– Анника, ты не возьмешь на себя природный катаклизм? – навис над ней Патрик.

Она бросила взгляд на дисплей мобильного телефона.

– Мне очень жаль, но я должна спешить на встречу с прокурором.

Шеф новостей театрально застонал и повернулся на каблуках, он очень хорошо знал, что ее освободили от работы с новостями, но кто она такая, чтобы упрекать его за такую попытку?

Андерс Шюман окинул взглядом редакцию, стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение в животе. За стеклянной стеной у стола выпускающего редактора новостей Патрик Нильссон разговаривал по двум мобильным телефонам одновременно, Хёландер бойко печатал следующую статью о принцессе Мадлен, Анника Бенгтзон шла к выходу с сумкой на плече, вентиляторы компьютеров заставляли воздух дрожать.

Сценарий был ему до боли знаком и одновременно неописуемо чужд, и скоро все должно было закончиться.

Он снова тяжело откинулся на спинку кресла, потянулся за бумагой, лежавшей сверху на ближайшей к нему стопке ей подобных, – за протоколом пятничной встречи правления. Она произошла 29 мая, и эта дата могла войти в историю. День, когда начало конца стало фактом. Эра Гутенберга закончилось, печатное слово полностью исчерпало себя.

Он поднялся и встал так близко к стене, что стекло сразу же запотело от его дыхания, а какой еще у него оставался выход?

Почти сто лет шведская журналистика активно поддерживала провозглашенный социал-демократами принцип построения в Швеции «общества всеобщего благосостояния», осу-

ществляя обратную связь между властью и гражданами, в ту пору, когда для одних наступали черные дни, туго приходилось и другим. Однако исследователи средств массовой информации еще двадцать лет назад утверждали, что «1990 год можно рассматривать в качестве конца целой эпохи, как для национального государства благоденствия, так и для его журналистики».

В результате большая часть его карьеры, четверть столетия, пришлось на смутные времена.

Хотя о чем тут горевать, он ведь не мог построить «шведский социализм» собственноручно.

Подчиняясь неведомому импульсу, Шюман развернулся, подошел к книжной полке и извлек из нее книгу Яна Экекранца и Тома Олссона «Редактируемая журналистика», а потом прочитал подчеркнутые строчки в предисловии, хотя и знал их наизусть.

«...Повествовательная и информационная журналистика все больше подменялась абстрактными описаниями ситуаций, где их авторы сами часто выступают в роли невидимых источников. Для сегодняшней журналистики характерна тенденция превращать беды общества в информационные проблемы, а публичный разговор в ток-шоу и информационно-развлекательную программу. Все большее пространство отвоевывает себе откровенно коммерческая журналистика, а также журналистика, представляющая интересы отдельных сторон. Традиционные журналистские идеалы (отражать то, что фактически происходит, исследовать и критиковать власть, действовать в качестве канала связи между ней и теми, кем она управляет) становятся контрпродуктивными...»

Он захлопнул книгу и прикрыл глаза.

«Мы проживаем нашу жизнь так, как проживаем наши дни», – значилось на его счете за завтрак в отеле в Осло, где осенью он был на семинаре вместе с семейством владельцев газеты, и эти слова, казалось, ударили ему прямо в солнечное сплетение. Он до сих пор помнил ту свою реакцию. Как он проживал свои дни? И свою жизнь? Подобно тому дню в Норвегии, в лишенном окон конференц-зале, где обсуждались новые тенденции в работе средств массовой информации, или тому, когда в завтрашнем номере основные надежды возлагались на невоспитанных женщин, писавших оскорбления друг о друге в социальных медиа, которые никто не читал?

Он сел в свое кресло снова, колени болели, потрогал горы бумаг у себя на письменном столе.

Он никогда не жаловался на нехватку времени, а теперь вдруг внезапно выяснилось, что его почти совсем не осталось.

Пожалуй, ему следовало создать собственную фирму, построить дом, обзавестись детьми, сделать нечто фундаментальное. Но сейчас он не занимался ничем подобным, все его нынешние деяния касались настоящего, а не будущего, он тратил свою профессиональную жизнь на то, чтобы понять общество, в котором сам жил, сделать его лучше, справедливее. То, чем он мог запомниться другим, так это своей ролью в средствах массовой информации. Он знал, что ничего иного не сможет оставить после себя.

Шюман окинул взглядом редакцию. Как он справился с этим?

Все годы, проведенные в газете, он работал над ее развитием, готовил себе помощников для всех позиций, необходимых для удержания своего детища на плаву. Но ведь не только отрасль постоянно менялась, сама жизнь вокруг преображалась, и ему приходилось вести свое судно вперед инстинктивно, без карт, лавируя между мелями и подводными минами. Ему удалось превратить ряд сотрудников в ключевые фигуры своей организации, это касалось новостей, спорта, развлечений, интернет-версии, культуры и телевидения, и теперь они сами определяли свою работу на новом медийном пейзаже, а он гордился ими и самим собой и, конечно, своей способностью предвидения.

Однако ему не удалось реконструировать себя, во всяком случае, в той мере, в какой требовалось. При всех его достоинствах, он не успел сделать это. Дни оказались слишком короткими и пролетали чересчур быстро, а сейчас уже слишком поздно.

Времени имелось в избытке, пока внезапно не оказалось, что оно подошло к концу.

Объективной информационной новостной журналистике с присущими ей специальными расследованиями в том виде, в каком все они, нынешние творцы, знали ее, скоро предстояло стать коротким абзацем в истории человечества, и он лично стоял у руля, когда они неслись прямо в преисподнюю.

* * *

Утренний дождь принес облечение и до блеска отмыл дороги и панели. Затем облака должны были удалиться в северном направлении, а после полудня в Свеаланде ожидалась средиземноморская жара. Анника уже чувствовала, как ее кожа становилась липкой от пота. Машины тащились по улицам, словно в замедленном кино, она игнорировала автобусы и быстро шла по тротуарам, так получалось быстрее.

Она миновала парк Роламсхов и вошла в лабиринт Кунгсхольмена, где любую улицу или переулок сумела бы найти с закрытыми глазами. Она могла просто идти, идти и идти, и внезапно оказаться в каком-то месте, даже не представляя, как там очутилась. Дома доверительно наклонялись к ней и шептали слова приветствия, мостовые еще помнили ее. В этот квартал она попала, когда приехала в Стокгольм, в старомодную квартиру в доме на Агнегатан с только холодной водой в кране и ванной в подвале. Здесь она жила с Томасом в шикарных апартаментах с окнами на Хантверкаргатан, когда дети были маленькими, здесь состоялась их свадьба, и здесь она поселилась в трехкомнатной квартире, когда их с Томасом семейная жизнь закончилась.

Здесь же работала Жозефина Лильеберг, здесь она умерла.

Анника миновала Хантверкаргатан, и Крунуберг возник перед ней позади пожарной части со своими тропинками, газонами и лиственными деревьями, чей зеленый наряд еще не успел приобрести по-настоящему летний оттенок. В парке рядом с Крунубергсгатан было много народу. Мамаши с детьми, но также и несколько отцов, смех и веселые крики, звучащие со всех сторон, задели Аннику за живое, воспоминания о прошлом нахлынули на нее. Она миновала песочницы, игровые комплексы и горки, начала подниматься на вершину холма.

Преступление в отношении Жозефины назвали «Сексуальным убийством на кладбище», но это описание не соответствовало истине.

Ее действительно нашли в старом еврейском некрополе, в конце XVIII века находившемся за городской чертой, но сегодня являвшемся частью одного из больших столичных парков. Но убили не на сексуальной почве. Жозефину задушил собственный парень.

Анника медленно шла к нужной ограде. Территорию погоста привели в порядок за последние годы. Дикие заросли убрали, упавшие надгробия установили на место. Насколько Анника знала, здесь покоились двести девяносто человек, последнее захоронение состоялось в 1857 году.

Нечто колдовское было в этом месте. Звуки города не долетали сюда, словно оно находилось в другом измерении, и здесь постоянно царила тишина. Анника положила руку на холодный кованый металл, провела пальцами по окружностям и дугам, стилизованным звездам Давида.

В то жаркое лето Анника делала первые шаги в газете, подменяла отпускников и дежурила на телефоне, принимая звонки от граждан. Это был ее шанс, и она настояла на том, чтобы ей поручили писать о Жозефине. Так появились первые статьи за ее подписью.

Шершавый серый камень на заднем плане, тени от листьев, сырость и жара.

Анника вспомнила, как смотрела в мутные серые глаза убитой, слышала ее беззвучный крик.

– Он избежал наказания, – прошептала она Жозефине. – Попал в тюрьму, но не за то, что сделал с тобой. Пожалуй, уже слишком поздно.

Она почувствовала, как подступают слезы. Тогда она впервые замолчала истину, ни строчкой ни обмолвилась о ней, а потом подобное повторялось не раз. Все это произошло так далеко, но так близко. Свен еще пребывал среди живых в то лето, она чувствовала его злобу в темноте вокруг себя, знала, как он был возмущен и разочарован, когда она нашла работу в Стокгольме, сбежала от него. «Ты не любишь меня?» Неуверенность в завтрашнем дне и страх, шедшие рука об руку, что это могла стать за жизнь?

«Вот результат, – подумала Анника и вытерла слезы. – Я осталась здесь, значит, так надо».

Она убрала руку с ограды, достала маленькую видеокамеру и сняла могилу, сделала крупный план места, где лежала Жозефина, а потом досняла окружающий пейзаж. При необходимости она могла вернуться со штативом и сделать репортаж отсюда. Но в данный момент ей еще было трудно судить, что понадобится сказать в объектив, сначала требовалось собрать и привести в порядок материал. Она повернулась с намерением сразу же удалиться, ей не хотелось оказаться на месте Жозефины, не хотелось находиться поблизости.

Она быстро направилась по Кунгсбрун к зданию прокуратуры Стокгольма. Температура на улице повышалась, у нее вспотела спина. Асфальт пах битумом.

Материалы предварительного расследования практически всегда засекречивались, это также касалось и убийства Жозефины, но Анника достаточно хорошо представляла себе их содержание. В свое время она попросила разрешения ознакомиться с ними, полностью или частично, прекрасно зная, что в исключительных случаях такое допускалось, при условии что это не могло повредить работе следственных органов, и добилась своего. И судя по известным ей данным, Йоахим, парень Жозефины, с большой долей вероятности был виновен в этом убийстве.

Ветер усилился, между облаками появились разрывы, в которых проглядывало голубое небо. Она прибавила шаг.

Прошло пятнадцать лет, но после убийства Улофа Пальме закон изменили таким образом, что срок давности по данному виду преступлений отсутствовал. И поэтому ничто не мешало продолжить работу по изобличению душегуба, если бы сейчас появились новые данные, какой-то свидетель внезапно заговорил.

Мобильный телефон зазвонил где-то на дне ее сумки, Анника остановилась и нащарила его среди многочисленных ручек. Она взглянула на дисплей, это была Барбра, ее мать.

Анника ответила после толики сомнения.

– Где ты? – спросила Барбра.

Анника огляделась, она находилась совсем близко к зданию полиции.

– На работе, мне надо взять интервью у прокурора относительно одного убийства.

– Дровосека?

– Нет, это другой...

– Ты не знаешь, где Биргитта?

Анника подняла глаза к крышам домов. Влекомые ветром облака бесконечной чередой проплывали по небу. Вдалеке у горизонта его снова стало затягивать черной пеленой.

– Нет, понятия не имею. А в чем дело?

Анника услышала нотки беспокойства в собственном голосе.

– Когда она давала о себе знать в последний раз?

Да, действительно, когда же это было? Анника смахнула волосы со лба.

– Наверное, год назад, не меньше. Ей требовалось, чтобы кто-то присмотрел за ребенком в выходные. Она и Стивен собирались искать работу в Норвегии.

– А после этого?

Старые обиды напомнили о себе, Аннике стоило труда сдерживать раздражение.

– Мама, Биргитта и я... мы разговариваем не слишком часто.

Почему она ответила так? Почему прямо не сказала, как все было на самом деле: «Я и моя сестра вообще не общаемся, мне даже неизвестно, где она живет».

Анника услышала, как мать всхлипнула в трубку.

– Что случилось? – спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно (не испуганно, не сердито, не небрежно).

– Она не пришла домой с работы вчера.

– С работы?

– У нее была дневная смена в магазине, Стивен и я ужасно волнуемся.

Да, легко поверить, если мать удостоила Аннику своим звонком.

– Вы звонили на работу? Ее подругам? Саре, вы позвонили ей?

– Стивен разыскал ее шефа, я переговорила с Сарой.

Анника лихорадочно размышляла.

– Ее бывшая учительница рисования, Маргарета, они много общались, раньше, по крайней мере, вы...

– Мы позвонили всем.

Естественно. Анника стояла последней в этом списке.

– Ты представляешь, как мы обеспокоены? – повысила голос Барбра.

Анника зажмурила глаза, не имело никакого значения, что мать говорила или делала. Она видела ее лицо перед собой, как та заламывала руки, крутила между пальцами бокал с вином, судорожно искала виноватого. Она могла с таким же успехом угадать, о чем мать думала.

– Мама, – произнесла Анника медленно, – ты уверена, что Стивен говорит правду?

В трубке на секунду воцарилась тишина.

– О чем ты?

– Я не могу утверждать наверняка, но, по-моему, Стивен... порой не лучшим образом вел себя по отношению к Биргитте. Мне кажется, он держал ее в ежовых рукавицах, она чуть ли не боялась его.

– Почему ты так говоришь? Стивен нормальный парень.

– Ты уверена, что он не бьет ее?

Еще одна секундная пауза. Голос матери звучал резко, когда она ответила:

– Не путай себя с Биргиттой.

Потом она прервала разговор.

Анника снова смахнула волосы с лица. Она запрокинула голову и посмотрела вверх вдоль фасада здания, там наверху находилась ее старая квартира, где по-прежнему жил бывший муж. О боже, эти улицы были полны призраков.

Мимо нее медленно проехал полицейский автомобиль и повернул к зданию Крунубергского следственного изолятора, стоявшему чуть выше по улице, Анника успела заметить молодого мужчину с растрепанными волосами на заднем сиденье. Пожалуй, его собирались арестовать или, возможно, просто допросить, наверное, он совершил какой-то проступок, а если не был преступником, значит, оказался не в то время не в том месте или знал что-то не положенное ему.

Она также сидела на заднем сиденье патрульной машины у завода в Хеллефорснесе в тот летний день, когда умер Свен, и держала в объятиях мертвого котенка, отказываясь выпустить его из рук, ее желтого малыша Вискаса. В конце концов, ей разрешили взять его с собой, она плакала, и ее слезы падали на его шерстку.

Биргитта так никогда и не простила ей Свена. Она совершенно искренне восхищалась им, как бывает с младшими сестрами. Он обычно крепко держал Биргитту и щекотал ее, пока

она не начинала кричать, было что-то неприятно интимное в их играх, Биргитта была ведь всего на два года младше ее, блондинка и сладкая, как конфетка.

Анника втянула голову в плечи и крепче взялась за сумку, поколебалась мгновение и, войдя в Интернет с мобильного телефона, впечатала «Биргитта Бенгтзон» на странице hitta.se (сестра не взяла себе фамилию Стивена Андерссон, когда они поженились).

Одно совпадение, Брантевиксгатан 5F, Мальмё.

Мальмё? Разве она не переехала в Осло?

С высоты четвертого этажа Томас видел, как Анника сунула мобильный телефон в свою невероятно уродливую сумку и поспешила в направлении Шеелегатан, голова покачивалась на ходу, черные волосы развевались на ветру. Он провожал ее взглядом, сколько мог, но всего через несколько секунд она исчезла за автомобилями и кронами деревьев. Сердце успокоилось, пульс пошел на убыль. Он увидел ее случайно (или не случайно, а из-за некой невидимой связи, существующей между людьми), пожалуй, почувствовал ее присутствие на подсознательном уровне, перехватил мысли, устремленные к нему, и ему пришлось выглянуть на улицу с целью проверить, почему стало так беспокойно на душе. Там стояла она со взглядом, направленным на окно его спальни. Он сразу подумал, что Анника собирается посетить его, и решил не открывать, ему было нечего ей сказать, пусть лучше стояла бы снаружи за закрытой дверью, как бы ей ни хотелось войти.

А она просто повернулась на каблуках.

Разочарование сменилось приступом злобы.

Он был для нее пустым местом, никем, мимо чьих окон просто проходят и останавливаются снаружи, чтобы поговорить по мобильнику, пожалуй, со своим новым мужчиной, и не на самую приятную тему. Такая надежда мелькнула у него, или он даже прочитал это по ее жестике. Неполладки в раю? Уже?

От этой мысли у него немного улучшилось настроение, он внезапно понял, что голоден, а в холодильнике хватало чем перекусить. Там лежала настоящая пища гурманов, оставалось только разогреть.

Томас принадлежал к тем, кто предпочитал хорошую еду и напитки, обращал особое внимание на качество повседневной жизни. Прежде всего, в силу воспитания, ему с детства объяснили, насколько важно хорошо выглядеть, правильно себя вести, не позволять ничего лишнего в словах и жестах.

Поэтому он чувствовал себя крайне некомфортно в этой ужасной заурядной квартире из трех комнат под самой крышей в старом рабочем квартале.

Он открыл дверь холодильника крюком и достал оттуда филе морского языка своей единственной рукой, а потом поставил блюдо в микроволновку.

Он не был, собственно, обычным инвалидом, вопиющая несправедливость, что на него обрушилась такая беда.

Микроволновка с жужжанием принялась за работу. Немного рыбы на обед вполне могло хватить, поскольку ему стоило побережечь желудок для вечера, когда его ждал представительский ужин в обеденном зале правительственной канцелярии.

Нынешняя работа просто отлично устраивала его. Задание, выполняемое им сейчас в министерстве юстиции, считалось крайне престижным, а как же иначе, если он являлся научным секретарем большого расследования с собственной парламентской рабочей группой. Подобное поручали только таким, как он.

Он исследовал проблему анонимности в Интернете (да, формально старый уволенный министр числился в качестве эксперта, но именно он, Томас, выполнял всю работу), перед ним стояла задача найти равновесие между неприкосновенностью личности и преступлением. Ненависть, распространяемая в Сети, превратилась в постоянно растущую проблему. Обще-

ству был необходим действенный инструмент для обнаружения лиц, оскорблявших других людей, но кто смог бы определять их айпи-адреса? Полиция, прокуроры или для этого требовалось решение суда? Как сотрудничать с иностранными властями, что, если сервер находился на чужой территории? Как обычно, техника и преступность развивались быстрее, чем власти и полиция, законодательство, без сомнения, плелось в самом конце этой цепочки.

Статс-секретарь Халениус и министр вместе с юрисконсультom разработали директиву для данного исследования, предоставлявшую Томасу и прочим исполнителям свободу действий. Порой правительство затевало нечто подобное с целью подтверждения уже принятых решений, но не в данном случае. Результат, следовательно, никто не предопределил заранее, и все зависело исключительно от него. Он сам распоряжался своим временем, мог уходить и приходил когда вздумается и сейчас практически добрался до финиша, приготовил все материалы к представлению на ближайшем заседании правительства, чтобы потом передать их в комиссию риксдага.

Он, короче говоря, был одним из тех, кто представлял власть, брал ответственность на себя и формировал будущее.

Микроволновка пискнула, морские языки были готовы, чтобы ими насладиться, но Томас заставил их подождать немного. Подошел к компьютеру и вошел в Интернет, потом отыскал форум, где когда-то зарегистрировался под новым ником. Он назвал себя здесь Грегориусом (в честь антигероя Яльмара Сёдерберга из романа «Доктор Глас», обманутого собственной женой, убитого своим врачом).

Когда-то он оставил там острый комментарий с единственной целью посмотреть, к чему это приведет. Речь шла о главном редакторе Анники, настоящей претенциозной куче дерьма. На форуме все еще активно поддерживалось то направление, где он внес свою лепту, и ему казалось интересным отслеживать, как развивается обсуждение.

Правда, пришлось повозиться немного, прежде чем он нашел свой пост. Тот находился достаточно далеко внизу страницы, но, естественно, никуда не делся.

ГРЕГОРИУС

Андерса Шюмана надо оттрахать в задницу бейсбольной битой. И пусть занозы торчат кровавым похоронным венком у него из ануса.

Томас всегда нервничал, стоило ему прочесть эти строки. Пульс и сейчас подскочил, и он почувствовал, как над верхней губой проступили капельки пота. Никаких комментариев не добавилось с тех пор, как он заглядывал сюда в последний раз, что немного разочаровало его. Тогда он поискал среди появившихся там прежде. Самый первый в этом ряду «Ha-ha-ha, way to go man! U butfuck him real good!»¹, пожалуй, стал образцом для последовавших за ним. Обсуждение, правда, получилось не слишком бурным, это ему приходилось признать. Кое-кто из оппонентов критиковал его манеру общения, называл Грегориуса «вульгарным идиотом и безмозглой амебой», хотя они сами, пожалуй, в данном отношении не слишком далеко от него ушли.

Сейчас он и сам не видел в этом особой причины для гордости, но ведь все порой спотыкаются?

Кроме того, ему было интересно и важно приобрести практический опыт в таком вопросе с учетом его задания. У любой демократии есть свои неприятные стороны. Вольтер сказал: «Я ненавижу твои намерения, но готов умереть за твое право выражать их». Или немного не так, но именно это проходило красной нитью через его письмо аббату ле Ришу от 6 февраля 1770 года.

---

¹ Ха-ха-ха, молодец, парень! Ты отыгнул его сзади от души! (англ.)

Томас снова пробежал взглядом по своему комментарию.

«Андерса Шюмана надо оттрахать в задницу бейсбольной битой...»

Эти слова находились там, высказанные и вечные, неоднократно прокомментированные и подтвержденные.

Он глубоко вздохнул, закрыл сайт. Спокойствие разлилось по его телу, крюк перестал чесаться. Анника могла сколько угодно стоять внизу на улице со своим мобильным телефоном и уродливой сумкой.

Морские языки оказались в меру теплыми, и сейчас Томас был по-настоящему голоден.

И знал наверняка, что им восхищались, его уважали и боялись.

Во всяком случае, он точно не был пустым местом.

Анника представилась на ресепшен в прокуратуре, и ей пришлось сидеть и ждать в комнате, которая вполне могла сойти за приемную зубного врача. В ней пахло ожиданием, средством для мытья полов и возможными неприятностями. Она была там одна, что очень ее устроило.

Главный прокурор Кьелль Линдстрём, ранее занимавшийся интересующим ее расследованием, вышел на пенсию, и сейчас это дело лежало на столе помощника прокурора Санны Андерссон.

Анника незаметно достала камеру и с минуту снимала интерьеры и таблички на дверях вокруг, что могло пригодиться в качестве вспомогательного материала. Потом она убрала камеру и стала читать номер «Иллюстрированной науки» двухлетней давности, где имелаась статья о том, как рыбы выбрались на сушу 150 миллионов лет назад, а потом у них развились ноги и они стали рептилиями, млекопитающими и людьми.

– Анника Бенгтзон? Помощник прокурора Андерссон ждет тебя.

Она отложила в сторону журнал, взяла сумку, прошла в указанном ей направлении и в конце концов оказалась в тесном офисном помещении. Женщине, встретившей Аннику с протянутой рукой, было не более тридцати.

– Добро пожаловать, – произнесла она приятным, мягким голосом.

Все понятно. А чего Анника, собственно, ожидала? Прошло пятнадцать лет, само собой, смерть Жозефины давно оттеснили на задний план более важные и свежие случаи.

– Извини, что я заставила тебя ждать, – сказала Санна Андерссон. – У меня слушания в суде через три четверти часа. Ты хочешь мне помочь с делом Лильеберг?

Анника села на стул и подождала, пока Санна Андерссон вернулась к своему письменному столу и тоже опустилась на стул.

– Я просила предоставить мне материалы предварительного расследования по данному убийству, ее нашли в парке Крунуберг на Кунгсхольмене утром 28 июля пятнадцать лет назад...

– Все так, – сказала помощник прокурора, выдвинула ящик своего стола и достала оттуда толстую папку. – Они находились в архиве и вернулись сюда год назад, когда один человек признался в этом преступлении.

Анника кивнула:

– Густав Холмеруд, маньяк. Он также взял на себя несколько других нераскрытых убийств женщин.

Санна бросила на нее быстрый взгляд, а потом вернулась назад к папке.

– Да, он в принципе признался во всех, которые у нас есть, и его осудили за пять из них, прежде чем кто-то дернул стоп-кран. Мне известно, что государственный прокурор знакомится с большинством его приговоров, проверяет, не надо ли пересмотреть их. Вот это дело.

Она провела рукой по папке.

– Жозефина Лилеберг. Смерть в результате удушения. Я просмотрела его вчера вечером. Собственно, достаточно несложный случай.

Она открыла оглавление и пробежала глазами заголовки.

– Ты, значит, просишь выдать тебе дело целиком.

– Я писала об этом случае тогда, отслеживала развитие событий...

– Здесь есть сенсационные моменты: имевший дурную славу порно клуб, министр, которого допросили, именно поэтому ты заинтересовалась им?

Она окинула Аннику равнодушным взглядом. Анника открыла рот, но не смогла ответить.

«Нет, не поэтому, Жозефина была близка мне, я стала ею, она мной, я работала в порно клубе, когда она работала там, я ходила в ее бикини, носила ее трусики».

– Насколько я понимаю, данный случай раскрыт с полицейской точки зрения, – сказала она. – В смерти Жозефины виновен ее парень, Йоахим. Его не осудили лишь по той причине, что шесть человек подтвердили его алиби.

Санна Андерссон снова закрыла папку.

– Абсолютно правильно. Насилие в близких отношениях надо классифицировать как проблему национального здравоохранения.

Санна Андерссон посмотрела на дисплей своего мобильного телефона.

– Могу я использовать это как цитату? – спросила Анника.

Женщина улыбнулась:

– Конечно. – Она поднялась со стула. – Я решила, что ты получишь имена шести свидетелей, обеспечивших алиби парню Жозефины.

Анника тоже встала, удивленная полномочиями и деловитостью этой молодой женщины.

– Они солгали полиции, – сделала вывод прокурор, – что может рассматриваться как противоправное деяние, которое квалифицируется как «пособничество в совершении преступления». Срок давности по нему уже давно истек, и в юридическом смысле они ничем не рискуют, если изменят свои показания. Пожалуй, у них может возникнуть желание облегчить душу, рассказав все если не нам, то хотя бы тебе.

Санна Андерссон протянула Аннике документ, взяв в другую руку на вид очень тяжелый коричневый портфель.

– Я могу процитировать тебя также и по поводу позиции государственного прокурора? – поинтересовалась Анника. – Относительно того, что он рассматривает возможность потребовать пересмотра в случае с Густавом Холмерудом?

Прокурор рассмеялась:

– Хорошая попытка! Извини, но мне надо спешить.

Анника засемила вслед за ней, и вскоре ей пришлось почти перейти на бег, чтобы не отставать.

Как выяснилось, дело Жозефины находилось далеко не в последних рядах с точки зрения приоритетности.

Малый зал Стокгольмского суда размещался на самом верху, фактически под крышей башни, исключительно с целью затруднить любые попытки побега или освобождения подсудимых. Нина Хофман, тяжело дыша, осилила последние ступеньки лестницы, обвиняемым пришлось бы преодолеть длинный лабиринт коридоров и этажей на пути наружу, если бы им вздумалось вырваться на свободу.

Она бросила взгляд в сторону входа в помещение, где пройдет судебное разбирательство.

Электронные и печатные СМИ явно уделяли процессу большое внимание. Немало их представителей уже находилось на месте, она увидела репортера Берит Хамрин из «Квельс-прессен» среди тех, кого проверяла охрана, прежде чем пропустить на места для публики.

Нина предъявила удостоверение и прошла в лишенное окон тесное помещение. Прокурор и его помощник уже сидели там. Тусклая люминесцентная лампа на потолке была не в состоянии охватить голубоватым светом все пространство, из-за чего в углах комнаты царил полумрак.

– Готова, Хофман? – спросил Сванте Криспинссон, сердечно поприветствовав ее. – Адвокат постарается размазать тебя по стенке, не воспринимай это как личное неприятие.

Нина кивнула коротко, иного она и не ждала.

– Просто держи себя в руках.

Сванте Криспинссон считался одним из самых бойких на язык юристов прокуратуры Норорта, Нина имела с ним дело прежде. По общему мнению, он не хватал звезд с неба, когда дело касалось работы по расследованию преступления, но в зале суда, решительный и хитрый, был просто находкой.

– Посмотрим, не заснут ли у нас присяжные сегодня, – пошутил прокурор. – Крайний слева мужичонка явно может задремать в любую минуту.

Нина взяла чашку кофе и села на стул рядом с дверью. Криспинссон наклонился над своими бумагами, листал их, бормоча что-то себе под нос. Костюм бы немного велик ему, а волосы слишком длинными, он создавал впечатление рассеянного и незащитного человека, выглядел честным и симпатичным.

Она выпрямила спину и посмотрела на стену прямо напротив себя.

Ивар Берглунд был виновен. Она абсолютно не сомневалась на сей счет. А его кроткий вид был лишь повседневной маской, за которой пряталась жуткая, вызывающая отвращение сущность. С подобным ей приходилось сталкиваться раньше, начиная с детства.

Кофе оказался отвратительным.

Свидетельствовать в суде было той частью ее работы, которая ей больше всего не нравилась.

Судебное разбирательство было представлением в угоду правовой защищенности, судью и присяжных требовалось убедить, что собранных доказательств достаточно для обвинительного приговора. Сама она предпочитала оставаться в тени, за кулисами, вести запутанные расследования, постепенно приближаться к преступнику и сжимать кольцо вокруг него.

Динамик ожил, и стороны призвали продолжить судебные слушания в деле об убийстве или о соучастии в убийстве. Прокурор и его помощник вошли в зал. Нина осталась сидеть на своем месте, ожидая, когда ее пригласят.

Согласно сложившимся традициям сначала допрашивали подсудимых, а затем свидетелей, однако Берглунд попросил допросить его последним. Это выходило за обычные рамки, но судья пошел ему навстречу после того, как Криспинссон получил обещание, что потом при необходимости сможет вызвать нужных, по его мнению, свидетелей.

«Хитрый, – подумала Нина. – Не хочет ничего говорить, пока не услышит, что известно по делу».

Потом открылись двери в зал, она поднялась, шагнула навстречу яркому дневному свету и направилась прямо к свидетельскому месту, не глядя по сторонам, но чувствуя направленные на нее со всех сторон взгляды: присутствующих из-за пуленепробиваемого стекла, равнодушный Берглунд, откровенно вызывающий адвоката и ободряющий Сванте Криспинссона, к которому тот добавил некое подобие улыбки.

Нина подняла правую руку, чтобы дать клятву свидетеля, жакет оказался тесноват в плечах, у нее прибавилось мускулатуры с тех пор, как она надевала этот костюм в последний раз. Когда же это было? Когда она свидетельствовала в предыдущем случае, вероятно.

Она, Нина Виктория Хофман, обещала и гарантировала своей честью и совестью говорить правду и ничего не утаивать, не добавлять и не искажать.

Криспинссон откашлялся в кулак и почесал голову, прежде чем взял слово.

– Нина Хофман, кем ты работаешь?

Она стояла, выпрямив спину и расправив плечи, стараясь внешне соответствовать своей профессии. Собственно, ей не требовался костюм, чтобы в ней узнавали полицейского, она и так выглядела надлежащим образом и знала это, подтянутая и стройная, приятная, но не бросающаяся в глаза.

– Я дипломированный полицейский, криминолог и специалист по поведенческим реакциям. Занимаю должность оперативного аналитика в Государственной криминальной полиции Стокгольма.

Секретарь суда зафиксировала ее слова на бумаге, солнечный свет отражался в пуленепробиваемом стекле. Одной из особенностей зала была изоляция от общественности, прозрачная перегородка отделяла обычных людей от участников процесса. Она знала, что представители прессы слышали ее из динамика с наносекундной задержкой.

– Ты не могла бы рассказать нам, чем занималась по долгу службы прошлой весной?

Она еще больше расправила плечи, кожей почувствовала взгляды Берглунда, коловшие ее словно иголками.

Было крайне важно, чтобы его осудили. Опасный и непредсказуемый, он был еще и жесток, и в этой своей жестокости давно перешел все границы. Нина насквозь видела его гнилую сущность.

– У нас появились новые данные, заставившие обратиться к делу двадцатилетней давности, исчезновению Виолы Сёдерланд, и снова пройти по собранным по нему доказательствам.

Криспинссон кивнул почти незаметно, но ободряюще.

– И что произошло в субботу 17 мая в прошлом году?

– У подсудимого взяли пробу ДНК в его доме в Тебю.

Одноэтажная вилла в конце тупиковой улицы, построенная в 60-х годах прошлого столетия, красный кирпич и ставни на окнах.

Он оказался дома, удивился неожиданным гостям, но был любезен и дружелюбен. Его глаза не изменились с той поры, хотя ему пришлось провести целый год за решеткой. Подобное не под силу людям с нормальной психикой. Полная изоляция двадцать три часа в сутки, первое время, кроме того, со всеми запретами: никаких газет, телевидения, контактов с окружающим миром. Час свежего воздуха в прогулочном дворике на крыше следственного изолятора раз в день, в пространстве, по форме напоминавшем кусок торта, ограниченном провололочной сеткой. Нина знала, что его никто ни разу не посетил даже после того, как ему сделали некоторые послабления. Краешком глаза она видела его руки, они неподвижно покоились на столе одна на другой, его настороженную позу.

Он был сделан из железа, болотной руды, которой хватало в тех местах, где он вырос.

– Ты не могла бы, коротко только, доложить основные дела Виолы Сёдерланд? – спросил Криспинссон.

– А это действительно необходимо? – вмешалась Марта Гензелиус, адвокат Берглунда. – Обвинения, предъявленные моему клиенту, не имеют никакого отношения к Виоле Сёдерланд.

– Они строятся на цепочке доказательств, – парировал прокурор. – Нам необходимо восстановить ее отдельные звенья, иначе само дело останется непонятным.

– Это не поможет, оно абсолютно непонятно, что бы ни предпринимал прокурор, – заметила адвокат.

Судья стукнул молотком по столу. Марта Гензелиус заерзала на своем стуле, якобы разочарованная. Нина ждала.

– О Виоле Сёдерланд, пожалуйста, – сказал Криспинссон и кивнул Нине.

Она постаралась отвечать спокойно и по существу.

– Виола Сёдерланд пропала со своей виллы в Юрсхольме в ночь на 23 сентября почти двадцать один год назад. Ее тело так никогда и не нашли. Имелся один свидетель, сосед, выгуливавший свою собаку в ту ночь, он видел, как мужчина вышел из автомобиля перед домом Виолы. По его словам, он запомнил номер машины, но у ее владельца оказалось алиби...

– Кто был этот владелец? – перебил Нину Криспинссон.

Ей пришлось прерваться на полуслове.

– Машина принадлежала Ивару Берглунду.

– На вилле в Юрсхольме обнаружили следы борьбы?

Нина часами изучала фотографии оттуда, крупнозернистые, сделанные при плохом освещении, в то время когда цветная пленка уже отживала свой век, готовясь уступить место цифровому формату, с многократно лучшей резкостью. Ей приходилось изучать множество таких снимков с сотен мест преступления, и термин «борьба» выглядел не самым подходящим в подобных случаях, но сейчас было не время вдаваться в лексические тонкости.

– На полу в прихожей нашли разбитую вазу и несколько волосинок, которые не принадлежали ни самой Виоле, ни ее детям, ни кому-либо из домашнего персонала. Дальше тогда продвинуться не удалось. В ту пору экспертиза ДНК только появилась, и еще не умели делать анализ по волосинке, для получения всего кода требовался мешок волос.

– Но это возможно сегодня?

Казалось непостижимым, что существовал период, когда не было экспертизы ДНК. Как вообще удавалось раскрывать преступления двадцать лет назад?

– Из отдельного волоса можно получить так называемую митохондриальную ДНК. Это альтернативная форма анализа, не дающая столь полную информацию, как если речь идет о полном коде, но она абсолютно надежная.

– И, получив эту новую информацию, вы, значит, решили взять пробу ДНК из слюны подозрительного владельца автомобиля. И каков результат?

– Идеальное совпадение.

Нина не удержалась и посмотрела в сторону Ивара Берглунда и одновременно почувствовала такое же движение вокруг себя, и в зале суда, и на местах для публики.

Все глаза устремились на обвиняемого, туда, где он сидел неподвижный, как статуя, положив руки одна на другую. Он смотрел прямо на нее, их взгляды встретились. Его глаза были маленькими и темными, она попыталась угадать его мысли, но безрезультатно.

– Вы допросили этого человека снова?

– Да, я и еще один коллега сделали это в его доме в Тебю.

– И что он сказал тогда?

Тот же человек, но как бы сразу погрузневший, напускная вежливость и удивление, однако она чувствовала скрытое напряжение.

– Настаивал на своем алиби: в тот вечер читал доклад о геномной инженерии в Народном доме Сандвикена.

– Вы смогли подтвердить его данные?

– В зале присутствовало порядка семидесяти слушателей, но никто не знает точно, в каком часу исчезла Виола Сёдерланд...

– Мог он находиться в обоих местах? В одну и ту же ночь?

– Расстояние между Сандвикеном и Стокгольмом 191 километр, значит, да. Теоретически это возможно.

Адвокат Берглунда выглядела довольной, она прошептала что-то своему клиенту. Нина постаралась подавить раздражение, все в порядке вещей, ей нельзя поддаваться на провокации.

– Но Ивара Берглунда обвиняют не в исчезновении Виолы Сёдерланд, а в ином преступлении, – уточнил прокурор и взял в руки другую бумагу.

Нина потянулась за стаканом воды, стоявшим на столе перед ней, не заботясь о том, что от этого ей еще больше захочется в туалет. Вода оказалась теплой и отдавала землей.

– Ты можешь описать суду, как далее протекала ваша работа в Государственной криминальной полиции?

– Мы сравнили ДНК Берглунда со всеми имеющимися по другим нераскрытым преступлениям в Швеции.

– И какой результат?

– Мы получили еще одно совпадение.

– В продолжающемся расследовании?

– Да.

– Каком?

– Убийства Карла Густава Эверта Экблада в Наке в прошлом году.

Казалось, ветер пробежал по рядам присутствующих по другую сторону пуленепробиваемого стекла, беззвучный шторм, внезапно возникший и столь же резко затихший. Волосы зашевелились, руки пришли в движение, ручки заскользили по бумаге. Все эти факты были известны в суде, но пока только в виде слов на бумаге. Сейчас они как бы ожили, персонифицировались. И человек, находившийся по другую сторону прозрачной перегородки, уже казался монстром, кем и был.

Прокурор заглянул в свои материалы.

– Ты выступала в роли координатора в этом расследовании, не могла бы сообщить нам больше деталей?

Это была первая ее неделя на новой работе, она еще не прошла вводный курс, и на нее пока не навалилась куча дел.

– Карл Густав Эверт Экблад, по прозвищу Кагген, часто сидел на парковых скамейках в центре Орминге. Его запытали до смерти в мае прошлого года.

– Запытали?

Нина перевела взгляд с прокурора на Ивара Берглунда, она не боялась его, знала, кем он был.

– Жертву нашли подвешенной над муравейником на дереве за колени спиной вниз. Экблад был голый и измазан медом, с запястьями и лодыжками, соединенными вместе скотчем. С выдранными ногтями, развороченным задним проходом, сломанным носом. Он умер от недостатка кислорода, его задушили, надев на голову пластиковый пакет.

Ивар Берглунд откинулся на спинку стула, как бы в попытке дистанцироваться от этих обвинений. Он шепнул что-то своему адвокату, и та коротко кивнула в ответ. Прокурор поднял лист бумаги и обратился к судье.

– Приложение с результатами судебно-медицинского исследования тела Карла Густава Эверта Экблада имеет номер 53В.

Судья сделал для себя пометку. Криспинссон повернулся к Нине снова:

– Ты посетила место убийства?

Сосна в расщелине скалы, мощный ствол и короткая крона. Нижние ветки толщиной с человеческую руку, давно высохшие, без коры, древесина серого цвета и шелковистая на ощупь.

– Да, я сделала это.

– Пока жертва все еще... висела там?

Дождь и белый свет ламп экспертов, полицейские как тени.

– Да.

– Что сказало тебе место преступления?

– Его выбрали с умом. Изолированное, недалеко от жилья, но вне зоны слышимости.

– А жертва?

Нина снова обратила взор на Ивара Берглунда. Он смотрел на нее, когда она отвечала, оценивал ее уверенность взглядом.

– Подвешивать человека таким образом – это известный метод пытки, его называют *La Barra*, или «Попугай». Жертва испытывает нестерпимые мучения, циркуляция крови в ногах прекращается. Если человек выживает, возникшие повреждения часто приводят к гангрене и ампутации. А смазывать людей медом и помещать их в муравейник – это испытанный метод пыток в Африке, особенно в Анголе.

– Где на месте преступления нашли ДНК преступника?

Она повернулась в сторону Криспинссона.

– На ногте среднего пальца правой руки жертвы, с внутренней стороны удалось обнаружить фрагмент кожи, и ДНК соответствовала ДНК Ивара Берглунда.

– И это абсолютно точно?

Она добавила силы в голос, чтобы завуалировать неуверенность при ответе.

– Такую информацию мы получили из Государственной криминалистической лаборатории.

Прокурор что-то читал в своих бумагах. Нина бросила быстрый взгляд на присяжных, все сидели с широко открытыми глазами и выпрямив спины. Даже крайний слева мужичонка, похоже, не спал.

– Жертва, о которой идет речь, Карл Густав Экблад где жил? – спросил Криспинссон.

Темно-коричневые деревянные панели, требовавшие покраски. Висевший наискось почтовый ящик, никаких грядок. Окна с грязно-белыми занавесками.

– Он снимал комнату в Орминге, но по бумагам проживал в Марбелье, в Южной Испании.

– Каким был следующий шаг в вашем расследовании?

– Поскольку убитый числился проживающим за границей, мы начали сотрудничество с испанцами. Формально через Интерпол, но я имела прямой контакт с их национальной полицией по этому делу.

– Испанский твой родной язык?

– Я выросла на Канарских островах.

Прокурор улыбнулся ей, посмотрел на судью и сложил свои бумаги.

– Спасибо, тогда у меня больше нет вопросов.

Нина посмотрела на Марту Гензелиус, адвоката Ивара Берглунда, стройную блондинку сорока с небольшим лет в дорогом костюме, туфлях на высоких каблуках, с уложенными феном прямыми волосами. Для нее, судя по всему, было важно соответствовать эталону успешной шведской бизнес-леди, одинаковому для всех представительниц слабого пола, независимо от того, шла ли речь о владелице бутика, директоре банка, модельере, теледиве или ком-то другом. Сейчас она перебирала свои бумаги, водя по ним акриловыми ногтями.

Наконец она подняла от записей глаза и с непроницаемым лицом уставилась на Нину.

– Нина Хофман, почему ты закончила работу в качестве полицейского?

«Держи себя в руках», – приказала себе Нина.

– Я не прекращала работу в качестве полицейского.

Адвокат приподняла ухоженные брови, нарочито медленно взяла свои записи и какое-то мгновение читала про себя.

– Ты только сейчас сообщила, что являешься оперативным аналитиком.

Отвечая, Нина старалась говорить как можно более дружелюбным тоном:

– Поскольку я дипломированный полицейский и работаю в правоохранительных органах, у меня остаются все полицейские полномочия. Это означает, что я могу задерживать и отпускать людей, проводить допросы или применять силу в случае необходимости.

Адвокат терпеливо выслушала ее.

– Хорошо, я переформулирую вопрос. Почему ты уволилась из полиции Сёдермальма?

– Я попросила дать мне учебный отпуск, поскольку собиралась изучать криминологию и поведенческие науки в Стокгольмском университете.

– Какое это имеет отношение к делу? – вмешался Кристинссон в диалог двух женщин.

Адвокат что-то быстро записала на листе бумаге, лежавшем перед ней.

– Как тебе работалось в Сёдермальме?

Нина постаралась не воспринимать вопрос как оскорбление, неужели адвокат думала, что ее так легко одурачить?

– Куда ты клонишь? – спросил судья.

Марта Гензелиус постучала авторучкой по лакированному ногтю на большом пальце.

– Это станет ясно позднее по ходу допроса, – сказала она.

Нина сделала все возможное, чтобы не показать своего раздражения, прозвучавшая сейчас реплика была классическим адвокатским маневром, имевшим целью озадачить судью и выбить из колеи свидетеля.

– Сформулируй как следует вопрос для свидетеля или задавай следующий, – сказал судья.

Адвокат повернулась к Нине:

– Как получилось, что ты вновь обратилась к исчезновению Виолы Сёдерланд, случившемуся двадцать лет назад?

– Расследование все еще не закрыто. Появление новых данных стало причиной того, что понадобилось снова изучить имевшиеся факты.

– Данных от репортера газеты «Квельспрессен»?

– Да, все верно.

Нина постоянно ощущала присутствие журналистов за солнечными бликами на пуленепробиваемом стекле, возбужденных и одетых с иголки, всех до одного ярких поборников свободы слова с одной стороны и завистливых конкурентов с другой. Она знала, что многие из них вели прямой репортаж из зала суда, ее ответы попадали в другую действительность, стоило ей произнести их, прокомментированные каким-то образом и порой искаженные. Она не могла больше управлять ими, они жили своей собственной жизнью.

– Почему это дело вытащили на свет божий именно сейчас? – гнула свою линию Марта Гензелиус.

– Мы получили новые данные, которые привели к возобновлению расследования, – пояснила Нина.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь вроде все началось с того, что одна газета написала об этом деле, то есть твои так называемые «новые данные» пришли из средств массовой информации?

«Успокойся», – подумала Нина.

– Да, это правда.

– И ты считаешь возможным проводить полицейское расследование, когда им управляет желтая газетенка?

Вопрос подействовал как удар хлыста, Кристинссон вскочил со своего места.

– Это черт знает что!

Нина подняла подбородок и посмотрела на него, дала понять, что не видит ничего из ряда вон выходящего. Потом она перехватила взгляд адвокатессы и пристально посмотрела ей в глаза.

– Сведения, получаемые от общественности, включая все формы средств массовой информации, в очень большой мере способствуют раскрытию преступлений.

Ей удалось произнести это мягко, растягивая слова, в манере, свойственной профессионалам, объясняющим что-то людям, далеким от полицейской работы.

Адвокатессе не осталось ничего иного, как улыбнуться ликующе, словно ей повезло одержать большую победу, а потом она передвинула бумаги на столе перед собой.

– Ты утверждаешь, что ДНК моего клиента обнаружили на месте преступления в Орминге в мае прошлого года, верно?

– Согласно выводам криминалистов – да.

Адвокат повысила голос:

– И это абсолютно точно?

Нина облегченно вздохнула, это был краеугольный камень обвинения, его фундамент. Она открыла рот, чтобы ответить, но Марта Гензелиус опередила ее:

– Подумай, ты под присягой сейчас!

Злоба волной нахлынула на Нину и захватила ее в свои объятия, Гензелиус действовала как по учебнику, она перебивала и запутывала, увеличивала темп допроса, и тут эта реплика, безмерно наглая и столь кошмарно эффективная. Она приберегла ее именно для данного ответа, в котором заключалась ее спасительная соломинка, тот факт, что ДНК совпала не совсем идеально.

Нина постаралась не выдать эмоций ни взглядом, ни мимикой, ни жестами. Она была крайне сосредоточена, когда отвечала.

– Совпадение настолько велико, что лишь крайне ограниченное число людей на земле можно рассматривать в роли альтернативных преступников.

Марта Гензелиус всплеснула руками.

– Спасибо за это! Альтернативные преступники! И вы действительно искали таких?

– Это ни в какие ворота не лезет! – воскликнул Кристинссон. – Адвокат ставит под сомнение профессиональную честь свидетеля! Неужели Государственная криминальная полиция могла расследовать данный случай предвзято?

Судья стукнул молотком по столу.

– Прекрати! Позволь адвокату продолжить.

Нина перевела дух, допрос в принципе и имел целью поставить под сомнения ее утверждения, но все равно она была благодарна Кристинссону за передышку.

Марта Гензелиус снова повернулась к Нине:

– И чем вы занимались все то невероятно долгое время, пока мой клиент сидел под арестом?

Адвокат, естественно, знала ответ на этот вопрос, она просто гнула свою линию.

Подразделение Нины в ГКП просмотрело по большому счету всю шведскую криминальную историю, сама она связывалась с полицейскими властями по всей Европе на всех возможных языках, убеждала и умоляла, инструктировала и призывала: искать, проверять, сравнивать!

– Жертва имела финское происхождение, выросла в Швеции, но точно обладала испанским гражданством, когда ее убили, – произнесла Нина очень спокойно. – Нам потребовалась помощь от испанских коллег и кое-каких других полицейских властей для проведения данного расследования.

– Ты говоришь «кое-каких других полицейских властей», что конкретно скрывается за этим?

– После того как мы связались с испанской полицией, – сказала Нина, – и впоследствии с Европоллом, выяснилось, что имеется несколько нераскрытых убийств в разных странах, имевших много общего со случаем в Орминге. Поэтому за последний год ДНК-профиль Ивара Берглунда отправляли туда, где расследовались аналогичные преступления, будь то в Скандинавии или в других частях Европы. Конечно, обвиняемый не поэтому так долго пробыл в изоляторе, но мы провели огромную работу и постоянно двигались вперед.

– И какой получился результат?

- Сравнения все еще продолжаются, поэтому я не могу ответить на данный вопрос.
- То есть пока у вас единственное совпадение, не так ли?

Нина не позволила тяготившему ее разочарованию выплеснуться наружу. Пока ведь не удалось найти никаких ДНК для сравнения, те места преступлений, которые исследовали, оказались абсолютно «чистыми» при эквивалентном качестве работы экспертов.

– В настоящий момент – да.

– И у вас, значит, есть единственное не стопроцентное совпадение в Орминге. Скажи мне, где точно нашли эту мнимую ДНК?

Назад к голым фактам, замечательно.

– Под ногтем жертвы.

– Который находился где?

Нина посмотрела на адвоката, пытаясь понять смысл вопроса.

– Ногти у жертвы вырвали еще при жизни, она пыталась сопротивляться, и ей удалось поцарапать своего убийцу, прежде чем он вырвал этот ноготь.

Марта Гензелиус и глазом не повела.

– Эту так называемую улику нашли в муравейнике, я права?

– Карл Густав Экблад был голый и измазанный медом, он сам как бы представлял собой муравейник, когда его нашли.

Назвать жертву по имени было естественным делом в данной ситуации, она тем самым становилась реальным человеком. Интересно, ей удалось вызвать сострадание к нему?

Адвокат что-то быстро пометила, а потом подняла глаза от бумаг.

– Скажи мне, что, собственно, находилось в этом муравейнике, помимо муравьев? Плесень? Грибные споры? Муравьиная кислота? Откуда такая уверенность, что микроскопический фрагмент кожи, найденный там, не был испорчен?

Криспинссон поднял руку.

– Свидетель – не эксперт.

Адвокат удивленно посмотрела на него:

– Прокурор ведь сам вызвал данного свидетеля, разве я не могу допрашивать ее?

Судья кивнул Гензелиус:

– Продолжай.

Адвокат сочувственно посмотрела на Нину.

– Да, ты, конечно, не эксперт. Твоя задача – анализировать все имеющиеся материалы и писать отчеты, не так ли?

Нина еще больше выпрямила спину, она старалась следить за осанкой.

Марта Гензелиус взяла стопку бумаг и принялась листать их. Она читала и снова листала. Нина начала терять терпение.

– Давайте сейчас наскоро вернемся к случаю с Виолой Сёдерланд, – сказала наконец адвокат и отложила в сторону свои бумаги. – Свидетель с собакой, заметивший номер автомобиля, стоявшего перед виллой его соседки 23 сентября двадцать один год назад, сообщил время, когда сделал свое наблюдение?

– Около полуночи примерно.

– Точно! И как надежно данное воспоминание, двадцать один год спустя?

– Этого свидетель не может знать, – вмешался Криспинссон.

– Путь адвокат говорит сейчас, – сказал судья.

Нина сидела молча, адвокат наклонила голову к записям.

– Лекция в Сандвикене, – продолжила она, – закончилась после 22 часов. Мой клиент еще оставался там и приводил в порядок помещение вместе с организаторами, выпил чашку кофе, заправил машину. Пока между нами полное согласие?

– Правильно.

– А значит, ему требовалось преодолеть расстояние от Сандвикена до Стокгольма менее чем за сорок пять минут, что, в свою очередь, подразумевает среднюю скорость 250 километров в час.

Нина как раз собиралась ответить, когда ей помешали – Марта Гензелиус повернулась к судье:

– Я хотела бы напомнить суду, что в то время еще не существовало скоростной автостреды между Евле и Упсалой, Е4 проходила прямо через населенные пункты с ограничениями скорости 70 и 50 километров в час. – Она снова посмотрела на Нину: – По-твоему, это возможно?

Той не оставалось ничего иного, кроме как по возможности быстрее сгладить ситуацию.

– Нет, – ответила она.

Адвокат посмотрела на нее и долго не отводила взгляд. Потом опустила ручку на стол.

– Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Элегантно, черт побери.

Судья повернулся к Нине и спросил, не понесла ли она какие-то расходы в связи с присутствием на процессе сегодня. Нина ответила отрицательно, поднялась и покинула зал суда по туннелю, закончившемуся дверью, за которой находилось специальное помещение без окон для прокурорской стороны.

На всем пути из зала ее сопровождало неясное ощущение беспокойства и бессилия.

Поскольку приближалась летняя жара, в редакции заработали кондиционеры. Возможность регулировки явно отсутствовала, поэтому в помещении сразу же установилась чуть ли не нулевая температура. Аннике пришлось надеть куртку, чтобы избежать воспаления легких до того, как она включила компьютер.

Несмотря на холод, ее пальцы горели, пока она просматривала полученные ею документы и список свидетелей. Перед ней находились лгуны, с чьей помощью убийца Жозефины так никогда и не предстал перед правосудием. Какие-то имена она узнала, но многие оказались полностью незнакомыми. Людвиг Эммануэль Эрикссон, скорее всего, был тот самый Людде, который стоял за стойкой бара в клубе, Робин Оскар Бертельссон, по-видимому, отвечал там за безопасность, но ушел сразу же после убийства Жозефины. Анника никогда не встречалась с ним, но Йоахим упоминал его несколько раз. Она всегда подозревала, что он стал одним из свидетелей, но сейчас знала это наверняка.

Людвиг Эммануэля Эрикссона она помнила как немногословного и угрюмого парня. У него были жидкие белые волосы и светлые глаза, и обычно он беззастенчиво пялился на ее грудь. Она пробила его через Гугл и сразу же попала в точку.

Пожертвование в «Антираковый фонд», платеж через карту интернет-банка.

Там же имелся его снимок, портретное фото с серьезной миной, с коротко подстриженными волосами и грустными глазами, когда болезнь уже наложила на него свой отпечаток. Он прожил тридцать два года, как печально.

Берит Хамрин поставила свою сумку с ноутбуком на письменный стол.

– Почему здесь так холодно?

Анника оторвала взгляд от уже умершего Людде и показала на вентиляционное оборудование в углу.

– Нина добавила что-нибудь интересное? – спросила она.

– Да. Есть похожие случаи в других странах, расследования проводятся совместно.

– И она сказала это со свидетельского места? Блестяще. Думаешь, его осудят?

Берит опустилась на стул.

– Все обвинение базируется на экспертизе ДНК, – объяснила она. – Этого, пожалуй, недостаточно.

– Берглунд не отметился своим присутствием по соседству ни с одним другим насильственным преступлением, – заметила Анника.

– Сейчас есть определенные сомнения, – сказала Берит.

– А он сам высказывался? – спросил Патрик, внезапно материализовавшийся рядом с ними.

– Он обычно жарил печень своей жертвы и съедал ее с каперсами и чесноком, – съязвила Анника.

Патрик сразу разозлился, на что она и надеялась.

– Есть одна новость, – сообщила Берит. – ГКП и Европол затеяли совместное расследование с иностранными полицейскими властями. Именно поэтому на подготовку обвинения ушло так много времени.

Щеки Патрика покрылись красными пятнами.

– РАССЛЕДУЕТСЯ СЕРИЯ УБИЙСТВ ПО ВСЕЙ ЕВРОПЕ, – продекламировал он, как бы цитируя большой газетный заголовок.

– Не обязательно, – остудила его пыл Берит, – пока нет ни одного совпадения.

– Это смотря как подать, – буркнул Патрик и поспешил к месту выпускающего редактора.

– Ты получила что-нибудь от прокурора? – поинтересовалась Берит.

Анника протянула коллеге список свидетелей, и одновременно у нее на столе ожил внутренний телефон.

– Ты не могла бы зайти ко мне на минуту? – послышался голос главного редактора Андерса Шюмана сквозь треск динамика.

– Прямо сейчас? – уточнила Анника.

– Желательно.

Аппарат издал еще несколько хриплых звуков и умер.

– Замечательно, – констатировала Берит, возвращая список. – Здорово, если бы ты смогла их разговорить.

Анника поднялась и направилась к стеклянной закуске главного редактора. Он смотрел на нее, поэтому она не стала стучать, а шагнула внутрь и плотно закрыла дверь за собой.

– Что сказал прокурор? – поинтересовался главный редактор.

Он сидел за своим письменным столом и выглядел более измученным, чем когда-либо.

– Я получила список свидетелей. Почему кондиционеры должны стоять чуть ли не на минусовой температуре?

Он вопросительно посмотрел на нее. На столе перед ним лежала стопка бумаг, распечаток, стикеры для заметок и еще какой-то документ, сильно напоминавший блок-схему.

– Какие свидетели? В этом убийстве были свидетели?

– Те, кто обеспечил убийце алиби. У тебя какое-то дело ко мне?

Главный редактор потерел свою бороду.

– Садись, – сказал он и показал на стул для посетителей.

Анника поняла, что речь пойдет о чем-то неприятном, по его тону и сероватому оттенку кожи лица.

– Сколько тебе осталось по убийству стриптизерши?

Анника помедлила с ответом, пока не устроилась на стуле.

– Стриптизершу звали Жозефина. Она мечтала стать журналисткой и любила кошек. Да, там еще хватает работы, я ведь только начала. А в чем дело?

– Велики ли, по-твоему, шансы, что с каким-то из этих случаев удастся разобраться? Или будет предъявлено обвинение?

Анника внимательно посмотрела на него:

– Мы спешим?

Шюман сидел какое-то время молча, положив предплечья на крышку своего письменного стола.

– Все ясно с твоим преемником? – спросила Анника. – Это будет тот парень с радио?

Шюман тяжело вздохнул и отъехал в кресле назад, пока не уперся спинкой в книжную полку.

– Нет, нет, в любом случае не он. А что, у тебя есть какое-то предложение?

– Да, есть, – кивнула Анника. – Берит.

Он провел рукой по лбу.

– Да, да, я знаю, что ты так думаешь.

– Я повторяю это снова, поскольку права.

– Мотивируй.

– Она, без сомнения, лучший и самый вездесущий репортер «Квельспрессен», может все и делала все. Она никогда не впадает в уныние, невероятно рассудительна и верна газете до последнего дыхания.

Шюман захлопал глазами.

– То есть в твоём понимании у нее есть необходимые опыт, знания, лояльность, способности, спокойствие и благоразумие?

– Уму непостижимо, почему она еще не получила этого предложения.

– Позволь мне рассказать почему.

– Хотелось бы услышать.

– Берит никогда не допускает оплошностей. На нее даже ни разу не писали жалоб омбудсмену по вопросам печати. Она пишет корректно, так что не придерешься, и ее материал всегда основательный и отлично проработанный.

– И когда это было плохо?

– Она никогда не рискует.

Аника скрестила руки на груди.

– По-твоему, она труслива?

– Газета вроде «Квельспрессен» не может иметь капитана, если использовать одно из твоих любимых выражений, который не готов рисковать. Это никогда не сработает. Квинтэссенция в данной работе состоит в том, чтобы порой не испугаться пойти ва-банк, создать хаос и сохранить равновесие, когда штормит...

– А почему такая спешка с Жозефиной?

– Это не спешка.

Аника смотрела молча на него несколько секунд. Он давно выглядел уставшим, но теперь у него появились морщины возле рта.

– Это еще неофициально пока, – сказал он.

– О'кей, – буркнула она. Ощущение беды усилилось.

Шеф протянул ей распечатку – протокол встречи правления, состоявшейся неделей ранее.

– Параграф четыре, – сказал он.

Аника прочитала три раза.

«Учитывая последние тенденции развития отрасли, принято решение закрыть печатную версию «Квельспрессен».

Закреть. Печатную версию.

– Бумажная газета, – сказала она, – ее убьют.

Ее голос был немного хриплым.

Шюман кивнул:

– Как можно быстрее.

Аника совершенно неподвижно сидела на стуле, словно окаменела.

Ее взгляд неосознанно скользил по редакции, людям, сосредоточенным на своих делах по другую сторону стекла, даже не подозревавшим, какая пропасть разверзлась совсем близко перед ними.

– Но, – наконец заговорила она, – что произойдет со всеми...

– Здесь ничего не поделаешь, – отрезал Шюман. – Все репортерские ставки ликвидируют...

Анника уставилась на него с открытым ртом. Постепенно смысл его слов дошел до нее: «все репортерские ставки ликвидируют» – это касалось и ее самой, и Берит, и Хёландера, и других, и всех читателей, которые больше не смогут ходить и покупать себе газету, садиться и решать кроссворд за столиком в кафе, речь шла об исчезновении целой культуры, стиля жизни.

– Я думаю, бумажная газета выходила с прибылью!

– Пока мы выезжали на приложениях и всяком барахле, которое посылали вместе с ними, книгах и музыке, и DVD-фильмах, но появление специализированных интернет-магазинов сыграло свою роль и там тоже. Это единственно возможный вариант.

– Ты не можешь так думать.

– Всем другим придется поступить аналогичным образом рано или поздно. Мы получим преимущество, взяв инициативу на себя.

– И ты должен сделать это? Взяться за топор?

– Кое-кто из основного персонала останется в деле, – сказал он. – Будем расширяться в интернет-версии, журналистика не исчезнет из-за того, что мы перестанем использовать массу бумаги для ее распространения, но, если вернуться к стрип... Жозефине, я хотел бы видеть ее в печатном варианте.

Само собой.

– Сколько у меня времени?

Анника не смогла скрыть сарказм.

– Надо пересмотреть договоры с распространителями, типографиями, подобное не делаешь за один день...

У нее пересохло во рту, ей пришлось задать этот вопрос:

– А потом? Что будет со мной?

– Естественно, для тебя найдется определенное пространство в новой организации. Ты знаешь, я хотел бы видеть тебя выпускающим редактором.

– Проводить дни за написанием семикрестового суррогата?

– Помимо прочего.

Она почувствовала, что у нее вот-вот польются слезы из глаз, быстро встала в попытке справиться с ними.

– Никогда, – сказала она. – Уж лучше сидеть за кассой в торговом центре.

Шюман вздохнул.

– Ничего не говори остальным, – попросил он. – Мы, возможно, обнародуем решение в начале следующей недели.

Анника кивнула, покинула стеклянный закуток и закрыла за собой дверь.

Подземка поглотила ее, и сейчас она тряслась в сторону Сёдермальма. Люди в вагоне вокруг сталкивались с ней, раскачивались на месте.

Она зажмурила глаза, чтобы не заплакать.

Шюман, естественно, был прав. «Квельспрессен» предстояло стать первой ласточкой в ряду новостных газет в части прекращения выпуска бумажной версии. Она знала, что большинству других со временем придется последовать ее примеру.

Она, поморгав, прогнала слезы с глаз и окинула взглядом вагон. Несколько пожилых людей стояли с газетами в руках, но не так много. Перемены уже дошли и сюда. Однако мир, полностью лишенный ежедневных газет... Как он будет выглядеть?

Анника перевела взгляд на окно и встретила глазами со своим отражением.

Внешний вид улиц преобразится, желтые газетные анонсы исчезнут с витрин киосков и продовольственных бутиков, но не навечно, она считала, что замены не придется долго ждать, в виде какой-то другой рекламы, ведь этой цели они там, собственно, и служили. От них требовалось заманить клиента внутрь для покупки пачки сигарет или мороженого, раз он все равно оказался там. В автобусах и поездах люди станут все более активно таращиться в свои телефоны, штабеля из стопок газет не будут больше блокировать тротуары, мешая ей идти на работу, а ветер перестанет носить бесплатные газетенки по платформам.

Как будет житься и работаться в таком мире?

Прочитанное в интернет-версии запоминалось хуже, это доказали в ходе одного норвежского исследования. Пятидесяти испытуемым предложили прочитать один и тот же детективный рассказ английского писателя, половине в бумажном варианте, а половине в виде электронной книги, и последним труднее далось вспомнить хронологию событий. Откуда такой результат, так и осталось невыясненным, возможно, это имело отношение к тяжести бумаги, перелистыванию, ощущению движения вперед. У людей и сейчас короткая память, а потом, значит, будет еще короче? Что подобное означало? И к тому же для нее как журналиста? Ей придется упрощать все еще больше? Делать мир черно-белым?

Это, пожалуй, было наказанием – это и еще ее панические атаки – за то, как она вела себя, за все, что уже сделала, всех, кого подвела...

Анника сразу же устыдилась этой мысли, собственной монументальной наглости, что развитие журналистики каким-то образом имело отношение к ее личным недостаткам.

За паническими атаками стояла она сама, это была ее собственная вина, с чего вдруг они могли обойти стороной? При ее поведении?

Поезд затормозил, ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не свалиться на женщину с детской коляской.

На станции «Медборгарплатсен» она поднялась на свет снова, желтые газетные анонсы по-прежнему бросались в глаза перед газетным киоском. Сёдермальм имел другой ритм, чем Кунгсхольмен, другой цвет, она по-прежнему чувствовала себя трепетной овечкой, находясь здесь, не могла по-настоящему поверить в это. Здесь она терпимее относилась к окружающим, и здесь не было никаких призраков. Даже мужчины в ярко-желтых касках, перегородившие Гётгатан и с дьявольским шумом крошившие асфальт, вызывали у нее жалость.

А кто она такая, чтобы вообще судить кого-то? Сама бросила мужа, когда ему, измученному и искалеченному, больше всего требовалась помощь, и начала отношения с его шефом, разве такое прощается?

Дисплей мобильного засветился в ее сумке, грохот, создаваемый дорожными рабочими, заглушил сигнал, но она поняла, что ей звонят, вытерла глаза, крепко прижала телефон к уху, сунув палец в другое, и поспешила прочь от источника шума.

– Привет, Анника, – услышала она мужской голос в своей голове. – Это Стивен.

Туча набежала на небо. Она непроизвольно огляделась.

– Привет, Стивен.

Она перешла улицу. Сумка била по бедру. Она остановилась перед «Макдоналдсом» и опустила ее на тротуар.

Стивен родился и вырос в соседней деревне Мальмчёпинг, несмотря на свое американское имя. Он был на пять лет старше Биргитты, Анника никогда не встречалась с ним, пока Биргитта и он не ввалились в ее квартиру на Кунгсхольмене однажды поздно ночью, когда Томас сидел в плену у похитителей.

– Биргитта не давала тебе знать о себе? – спросил он.

Люди непрерывным потоком проходили мимо нее по улице.

– Нет, я разговаривала с мамой сегодня и ничего не слышала с тех пор. Что, собственно, случилось?

Она пыталась говорить легко и непринужденно, удерживать неприятные мысли на расстоянии.

– Биргитта вчера не пришла с работы домой, – сообщил он.

– Да, мама говорила это. И Биргитта ничего не сказала, прежде чем ушла? Не давала тебе знать о себе?

– Нет, с тех пор... нет.

В трубке воцарилась тишина. Компания девчонок с синими волосами и руками полными гамбургеров протиснулась мимо нее по тротуару, одна из них уронила стаканчик с кока-колой Аннике на туфли. Она повернулась спиной к малолеткам.

– Алло? – сказала она.

– Я подумал, может, она говорила что-то тебе?

Анника посмотрела на стену перед собой.

– Стивен, почему она должна делать это? Мы с Биргиттой почти не общались.

– Да, ты даже не приехала на нашу свадьбу.

Это старая история, разве она недостаточно поплатилась за нее?

– Я думала, вы переедете в Осло, – сказала она.

– Да, это... да, мы искали работу там, но... ничего не получилось.

– Почему?

Никакого ответа, она посмотрела на дисплей, нет, разговор не прервался. Автобус номер 71 проехал мимо на пути к Данвикстуллу. Она закрыла глаза.

Стивен кашлянул:

– Какая-то ерунда получается. Я не знаю, что делать. Дини постоянно спрашивает о ней. И как отвечать?

Анника внезапно почувствовала себя ужасно усталой.

– Стивен, почему она ушла? Вы поругались?

– Нет, не так чтобы очень...

Не очень.

– Ты... бил ее?

– Никогда.

Ответ пришел быстро и без толики сомнения. Слишком быстро?

– Если ты найдешь ее, сообщи, пожалуйста, – попросил он.

Анника смахнула волосы со лба, она не понимала, зачем этот разговор, чего хотел Стивен? Почему Биргитта должна была связаться с ней, а не с ним?

– По-моему, у меня даже нет ее номера, у меня новый телефон, а контактные данные не удалось перекачать... Откуда у тебя мой номер, кстати?

– От Барбры.

Естественно.

Телефон пискнул в ее руке, «новая визитная карточка получена».

– Пообещай сообщить мне, – сказал он.

– Конечно.

Она закончила разговор, сердце бухало, как кузнечный молот, у нее в груди, она перевела дыхание, прежде чем положила телефон в сумку и подняла ее на плечо.

Почему обязательно надо звонить ей, если у кого-то возникало желание нагрузить другого собственными проблемами, или она была мученицей?

Анника медленно побрела в сторону Сёдерманнагатан. Она и Биргитта не имели больше ничего общего, кроме детства.

Она зашла в магазин на Нюторггатан, положила мясной фарш, и сливки, и лук, и свежую бельгийскую картошку в продуктовую тележку. Калле заказал котлеты на ужин.

К кассе образовалась небольшая очередь – цепочка вежливых представителей среднего класса на пути домой после работы, точно таких, как она сама: немного винтажных вещей и дорогих аксессуаров, кое-что модных брендов. На кассе сидела молодая женщина, родившаяся не в Швеции и не имевшая средств жить в Сёдермальме, из тех, какой предпочла быть Биргитта.

А в общем-то не было ничего особенно странного в том, что Биргитта стала кассиршей, она обожала магазины. Могла ходить и покупать часами еду или одежду, средства по уходу за кожей – не имело значения, блуждала, как в лесу, среди товаров и этикеток. Часто могла отдать недельные карманные деньги за красивую банку варенья или благоухающее розами мыло.

Анника расплатилась карточкой и заметила, что у женщины за кассой такие же красивые акриловые ногти, какими обычно щеголяла Биргитта.

Приготовление ужина с детьми и сама трапеза прошли хорошо, пусть Джимми допоздна задержался на работе. Они сидели за столом и обсуждали минувший день в своей обычной манере. Серена прекратила вечные пререкания, что стало для Анники огромным облегчением. Сейчас девочка подробно рассказала, чем они занимались на уроке труда, ей отлично давалось шитье и прочее рукоделие, она живо интересовалась всевозможными техниками выполнения таких работ и материалами. Эллен поведала о фильме, виденном ею на «ютюбе», с несколькими норвежцами, певшими песню о лисице, а Якоб в основном молчал, но ел с большим аппетитом. Калле не осмелился пить молоко, которое она поставила перед ним, не помогло даже объяснение Анники, что дата на упаковке означала «лучше использовать до», а не «отравление после».

Потом они все вместе прибрались на кухне, дети разбрелись по своим комнатам мучить электронные устройства. Анника села за кухонный стол, откашлялась и набрала номер Биргитты. Она прикрыла глаза рукой, слушала гудки в трубке и настраивалась быть дружелюбной и корректной со своей сестрой, но вместо Биргитты ей пришлось слушать автоответчик.

«Привет, это Биргитта, к сожалению, я сейчас не могу поговорить с тобой, но, если ты скажешь что-то после сигнала, я перезвоню тебе при первой возможности. Пока!»

Последовавший за этим монологом звук был громким и пронзительным. У Анники возникло странное чувство, словно ей вместо конфеты подсунили пустую обертку, она посомневалась мгновение, но потом выпрямилась и сказала в пустоту:

– Да, хм, привет. Это Анника. Я слышала, ты не пришла домой с работы вчера и... Да, нас интересует, где ты. Ты же можешь позвонить. О'кей? Пока.

Дала отбой, испытав облегчение оттого, что передала инициативу предстоящего общения сестре. В следующее мгновение, судя по звуку, возник небольшой беспорядок в комнатах детей.

– Эй, вы, там, начинайте чистить зубы! – крикнула Анника.

Шум усилился, к нему прибавились крики и плач. Она направилась к комнате мальчиков, но катастрофа уже случилась. Якоб осознал, что лишился своего мобильного телефона. У него и мысли не возникло, что кто-то взял его, он просто не помнил, куда положил телефон или когда видел в последний раз.

Совместными усилиями они перевернули вверх дном всю квартиру, но безуспешно. Зато на дне одной из оставшихся от переезда картонных коробок Анника нашла свой старый мобильник. Обычный, не какой-то там смартфон, и аккумулятор не заряжался, но, если заметить его на новый, еще вполне можно звонить. Она обстоятельно объяснила Якобу, что новые смартфоны не падают с неба, когда кто-то небрежно относится к своим старым.

С помощью весомых аргументов, нежных объятий и неоспоримых ссылок на действующие правила ей постепенно удалось взять ситуацию под контроль, превратить вечных противников в союзников перед общим врагом (ею самой). А потом благодаря одобрителному высказыванию о ютубовских фильмах с песнями о лисах и короткому коллективному чтению вслух «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса она смогла восстановить мир и покой на детской половине.

Потом Анника сидела на диване в гостиной и смотрела по телевизору программу «Актуэль», дебаты о неприкосновенности и независимости личности в Интернете и о том, кто за что должен отвечать и почему. Участвовавшая в них представительница партии «Феминистская инициатива» ратовала за полную анонимность в Сети при любой ситуации, тогда как, по мнению ее оппонента из индустрии грамзаписи, требовалось отслеживать и через суд наказывать штрафами тех, кто без разрешения выкладывает файлы в общий доступ, как если бы они воровали пластинки из магазинов. Анника соглашалась с обеими сторонами, а значит, она, во-первых, ужасно устала, а во-вторых, оба спорщика, вероятно, были правы, пусть и каждый по-своему.

Именно этими вопросами Джимми и был занят сегодня вечером. Какая-то встреча с парламентской группой по проблеме, которую анализировал Томас. Ее заинтересовало, к чему это могло привести. Томас и Джимми в последнее время практически на службе не сталкивались, но по данному вопросу им приходилось тесно сотрудничать.

На этой мысли Анника закрыла глаза и задремала на диване, а проснулась оттого, что Джимми гладил ее по волосам. Она обрадовалась ему, обняла за шею, вдохнула его запах и спросила:

– Как все прошло?

Джимми приподнял ее, нырнул на диван. Анника оказалась у него на коленях, выдыхаемый им воздух щекотал ей ухо.

– Так себе, – сообщил он.

Анника посмотрела на него через плечо.

– Я тщательно не контролировал исследование Томаса, – пояснил он в ответ на ее вопросительный взгляд. – И кое-какие моменты проворонил. Если его предложения пройдут, полицейским и прокурорам станет совершенно невозможно отследить айпи-адрес в Интернете...

– Я видела дебаты на эту тему в «Актуэль», – сказала Анника. – И признаться, не знаю, какой стороне отдать предпочтение.

Джимми вздохнул.

– Это вовсе не легкое дело. Даже членам риксдага стоило труда понять суть вопроса. Для большинства из них свобода слова то же самое, что и право анонимно высказываться в Интернете. А я был недостаточно готов, мне следовало больше интересоваться ходом работы...

Анника повернула голову.

– Что натворил Томас? – спросила она.

Джимми улыбнулся еле заметно и поцеловал ее в макушку.

– Мне надо будет завтра переговорить с ним об этом. Как все прошло у психолога?

Анника выпрямилась у него на коленях.

– Не знаю, как и сказать. Она много расспрашивала о моем детстве, просила рассказать о том, какие чувства я тогда испытывала.

– И как это тебе?

– Тяжело.

Анника окинула взглядом комнату.

– Подумай, ведь людям так важно прятать ото всех, какие они на самом деле. Выплескивать всю эту ненависть, когда никто не знает, какие...

– Ты не хочешь разговаривать о психологе?

Она повернула голову, встретилась с ним взглядом и попыталась улыбнуться. И все-таки что-то с ней не так. Здоровые люди не бьются в конвульсиях на полу в прихожей и не пугают тем самым своих детей.

– Моя мать звонила сегодня, – сообщила она. – И Стивен, мой зять. Биргитта исчезла. Она вчера не пришла домой с работы.

– Вероятно, что-то случилось?

Анника зажмурилась, увидела вереницу многоквартирных домов на Удендальсгатан в Хеллефорснесе, двухъярусную кровать, ее место наверху, Биргитты внизу. Как близко друг к другу бывают порой люди, не имея ничего общего. Анника, всегда мечтавшая выпорхнуть из родного дома, Биргитта, только и желавшая оставаться в нем.

– Она боялась всего на свете, когда мы были маленькими, – сказала она. – Муравьев, ос, привидений, самолетов... Не могла находиться у мамы в Лукебю, там же прятались змеи в траве...

– И она не купила собственный домик где-нибудь в тех краях?

– Нет, только снимала на одно лето.

Анника закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Бумажную версию газеты закроют, – поведала она. Почувствовала его взгляд и открыла глаза. – Меня Шюман вызывал сегодня. Правление приняло такое решение в пятницу. Его обнародуют на следующей неделе.

– Что произойдет с персоналом?

– Многим придется уйти, но не всем. Понадобятся люди для работы в интернет-версии. Джимми не задал естественный вопрос, но Анника все равно ответила на него.

– Шюман хочет, чтобы я осталась и придумывала будущее в варианте с семью крестами. Джимми вздохнул.

– Порой мне становится интересно, что будет с человечеством, – буркнул он.

– Собственно, все мы рыбы, вылезшие на землю из океана сто пятьдесят миллионов лет назад, – сказала Анника.

– Иди сюда, – позвал Джимми и притянул ее к себе.

Вторник. 2 июня

Нина вошла в свой служебный кабинет в четверть восьмого. Солнце нещадно палило из-за крыши дома напротив, и стопка бумаг на ее письменном столе нагрелась до такой степени, что казалось, вот-вот вспыхнет огнем. День обещал быть очень жарким и душным.

Она задвинула спортивный баул под книжную полку и положила сегодняшние газеты и бутылку минеральной воды на стол, а потом достала бутерброд и упаковку свежевыжатого апельсинового сока из сумочки и убрала их в верхний ящик. Ей требовалось немного перекусить после тренировки.

Нина села за стол, прислушалась к тишине вокруг себя. Большинство коллег приходили на работу не раньше восьми часов. Юханссон, однако, уже заявился, она слышала его кашель в коридоре. Парень, с которым она делила комнату, Джеспер Ву, к счастью, пребывал в очередной из своих длительных командировок, и ее очень устраивало, когда кабинет полностью принадлежал ей одной.

Набрав пароль, она вошла в свой компьютер. Ничего заслуживающего особого внимания за ночь не случилось, никто не искал ее, не пришло ни одного сообщения. На душе стало немного легче, и она потянулась за свежими газетами.

Сначала перелистала утренние издания и не нашла там ничего, о чем еще не успела бы прочитать в телетексте. «Квельспрессен» посвятила первую полосу одной из принцесс, все сводилось к рассуждениям о том, прилетит ли домой праздновать Национальный день Швеции или нет. Нину несколько не заинтересовала эта статья, королевский дом не был ее головной болью. Ответственность за них лежала на коллегах из СЭПО. В самом низу располагался анонс материала о Дровосеке – так вечерние газеты называли Ивара Берглунда. Она открыла указанный разворот и уставилась прямо в его тусклые глаза. Фотография занимала целую полосу, ее сделали хорошей оптикой через чуть приоткрытую дверь. Взгляд Берглунда на долю секунды случайно уперся в объектив, а фотограф (женщина, судя по имени под снимком) оказалась наготове. Все, вероятно, произошло очень быстро, и Берглунд, пожалуй, не осознал произошедшего. В любом случае он был, как обычно, спокоен, невозмутим как скала. Нина смотрела на него несколько секунд, прежде чем заметила заголовок сверху:

«РАССЛЕДУЕТСЯ СЕРИЯ УБИЙСТВ ПО ВСЕЙ ЕВРОПЕ»

Его содержание доставило ей чуть ли не физическую боль, подействовало как удар в солнечное сплетение.

Нина наклонилась вперед и пробежала глазами текст, у нее еще теплилась надежда, что все не так плохо, но она почти сразу же убедилась, насколько все плохо...

«Если верить Нине Хофман, оперативному аналитику Государственной криминальной полиции в Стокгольме, имеется несколько нераскрытых убийств в других странах, очень похожих на случай в Орминге. Поэтому ДНК-профиль Ивара Берглунда сравнивали с генетическим материалом, имеющимся в других расследованиях, проводимых как в Скандинавии, так и в других странах Европы. Международное сотрудничество в данном направлении продолжается уже почти целый год, и ему еще не видно конца, но пока, однако, ГКП не получила ни одного совпадения...»

Она почувствовала, как кровь прилила к голове. Как можно быть такой непроходимой душой?

Не задумываясь, она искренне отвечала на вопросы адвоката, что, естественно, было чистым безумием, и таким образом сыграла на руку защите. Как же сама не пони мала этого

раньше, святая простота. Она выложила, что они так никуда и не пришли – искали, искали и искали, но не нашли ни малейшего доказательства против Ивара Берглунда. Раскрыла, как грандиозно они облапошились, перед судом и всеми собравшимися журналистами. Ее следовало посадить за решетку за такую глупость.

Нина вскочила со стула, но ей некуда было идти, и она снова села.

Прокрутила в голове весь допрос, увидела, как хорошо накрашенная адвокатесса стояла там. «Чем вы, собственно, занимались все то невероятно долгое время, пока мой клиент сидел под арестом?» И она слышала, как сама отвечала и наносила непоправимый вред самой себе: «ДНК-профиль Ивара Берглунда отправляли туда, где расследовались аналогичные преступления, будь то в Скандинавии или в других частях Европы...»

Если они проиграют процесс и Берглунда освободят, то исключительно из-за нее. Она прижала руки к щекам, пальцы оказались холодными как лед, адреналин заставил внешние кровеносные сосуды сузиться и приготовиться к бою.

Нина постаралась расслабить плечи. «Сосредоточься!» – приказала себе. Взглядом пробежала по столу, нашла дело Берглунда, открыла его на разделе о ДНК.

Действительно ли что-то было не так с генетической экспертизой фрагмента кожи с места преступления в Орминге? Совпадение практически идеальное, на 99 процентов. Адвокат пыталась представить все так, словно речь шла об испорченном материале, так ли это обстояло на самом деле? Могла ли проба оказаться нечистой? Или что-то пойти неправильно при ее взятии или в ходе анализа?

Она полистала заключение из Государственной криминалистической лаборатории, пальцы стали чуть теплее.

Однако там не нашлось ничего нового, она могла процитировать их ответ наизусть.

Нина опять услышала кашель Юханссона, посомневалась мгновение, но поднялась с места уже с делом в объятиях.

Кабинет секретаря находился через пять дверей по коридору. Он имел в своем распоряжении собственную комнату. Причина такой чести таилась в его прошлом: прежде он входил в национальное спецподразделение, но после травмы (неизвестно какого рода) его перевели на внутреннюю службу. Он больше не мог в полную силу бороться с мировым злом, но стал замечательным администратором.

Нина постучала по дверному косяку, и Юханссон посмотрел на нее поверх очков. Без слов кивнул на стул возле своего стола.

– У меня есть один вопрос, – сказала Нина и села. – Как много нераскрытых преступлений осталось за границей, на которые стоит обратить внимание?

Юханссон глубоко вздохнул и снял очки.

– Отстой, – махнул он рукой. – Коллеги сейчас ищут среди дел той поры, когда экспертиза ДНК только появилась.

– Восемнадцать – двадцать лет назад? – уточнила Нина.

– Приблизительно так, – подтвердил Юханссон.

– И насколько, по-твоему, у них велики шансы что-то найти?

– Не слишком большие, но и не совсем ничтожные. Данный метод был совсем новым тогда, и преступники совершали ошибки, так как еще не научились уничтожать следы ДНК...

Он посмотрел на Нину:

– А что тебя беспокоит?

Она снова почувствовала, как у нее покраснело лицо.

– Ты успел познакомиться с материалом в «Квельспрессен»?

Юханссон посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты отвечала на вопросы, – сказал он. – Иначе нарушила бы присягу: *«Не утаивать, не добавлять и не изменять»*.

Нина выпрямила спину.

– Я размышляла над ответом по ДНК относительно случая в Орминге. Что ты об этом думаешь? Может он быть неверным? Из-за того, что кто-то поработал с пробой, или из-за плохого качества исходного материала?

– Если бы оборудование каким-то образом дало сбой, оно не показало бы никакого совпадения вообще.

Нина открыла папку на странице с результатом экспертизы ДНК.

– Если кто-то манипулировал с пробой, – продолжил секретарь, – то наверняка речь идет о ком-то из криминалистов или полицейских на месте...

Нина размышляла, не снимая с папки рук. Подкинуть на место преступления улику в форме генетического материала не составляло труда, это она прекрасно знала. Оставить немного слюны, каплю крови или след от спермы мог кто угодно.

– Это возможно? – спросила она. – Можно подменить ДНК в пробе? Поколдовать с ней так, чтобы она выглядела так, словно принадлежит кому-то другому?

Юханссон сделал глоток кофе из своей чашки, вздохнул и кивнул.

– Если с помощью центрифуги удалить белые кровяные тельца, то ДНК исчезает. Потом остается ввести туда другую ДНК, от волоса, например. Ты имеешь в виду, у кого-то в ГКЛ могло?..

Она сидела молча какое-то мгновение.

– Есть в ГКЛ кто-то хоть отдаленно связанный с Берглундом? Кто мог бы захотеть засадить его за решетку? Мы проверили это?

Юханссон посмотрел на нее, но ничего не ответил.

– Есть еще несколько жертв, – добавила Нина тихо. – Преступник из Орминге был не новичком в своем деле, он занимался этим давно. Нанесение тяжких телесных повреждений Лербергу в Солсидане – тоже его работа...

Юханссон устало покачал головой.

– Методы пыток те же самые, – стояла на своем Нина. – Действовал один и тот же преступник. Я думаю, первая ДНК, которую мы нашли, митохондриальная из Юрскольма, тоже принадлежит Ивару Берглунду. Никто не фальсифицировал пробы. Именно он забрал Виолу Сёдерланд, и именно он пытал Лерберга.

– Доказательства...

– Он играет с нами, – сказала Нина тихо. – Хочет, чтобы мы знали.

Она подумала о рисунке, который убийца забрал из комнаты детей Лерберга и оставил свернутым в трубочку в заднем проходе жертвы в Орминге.

У Юханссона глаза стали влажными от слез.

– Я не знаю, – сказал он. – ДНК в виде бесспорного доказательства уже подводила прежде.

– Женщина-фантом из Хайльбронна? – догадалась Нина.

Юханссон кивнул и высморкался.

В последнее десятилетие XX и первое XXI столетий некой суперпреступнице удавалось водить за нос полицейских в Центральной Европе, прежде всего в Юго-Западной Германии, но также во Франции и Австрии. Ее ДНК находили в четырех десятках мест преступлений, она совершала грабежи, а также убийства гангстеров и полицейских. Следователи описывали ее как крайне жестокую личность, вероятно, наркоманку, она часто вела себя как мужчина. Ее ДНК впервые обнаружили в 1993 году, когда одинокую пенсионерку нашли ограбленной и задушенной в собственном доме.

Зимой 2009 года немецкая полиция потратила свыше 16 000 сверхурочных часов на поиски неуловимой дамочки, они усилили следственную группу, ежедневно проводили анализы ДНК, протестировали 700 женщин, отработали 3500 сигналов от населения и объявили награду в 300 000 евро, и все безрезультатно.

Однако в марте 2009 года дело приняло новый оборот. Французская полиция провела ДНК-тестирование сгоревшего тела одного просившего политическое убежище мужчины и получила ответ, что это та самая женщина-фантом, помимо прочего совершившая крайне жестокое убийство полицейского в Хайльбронне двумя годами ранее. Тогда до следователей дошло, что с этим ДНК-следом какая-то путаница.

Выяснялось, что данная ДНК из четырех десятков случаев не имела никакого отношения к преступлениям, а появилась с ватных палочек, которыми брали пробы. Все их изготовили на одной и той же фабрике в Австрии.

– А может, здесь другое объяснение? – рассуждала Нина. – Проба правильная, а ошибка с совпадением? ДНК принадлежит другому человеку?

– Возможно, – согласился Юханссон.

– Кому? Насколько мне известно, у него нет сыновей, не так ли?

– Правильно, – кивнул Юханссон. – Он никогда не платил никому алиментов, будь то официально или неофициально, и никогда не фигурировал ни в каком расследовании об отцовстве. Хотя может иметь ребенка в своих краях...

Нина сжала руки в кулаки.

– Нет, это все не то, – заключила она, – если говорить об Орминге или Юрскольме. Ребенок не имел бы столь похожую ДНК, и митохондриальная ДНК наследуется по материнской линии...

Они какое-то время молчали. Нина читала материалы дела. Оба родителя Берглунда были мертвы, они утонули еще в конце семидесятых. Брат, Арне Берглунд, насмерть разбился на машине в Южной Испании двадцать лет назад.

– Очень злая и быстрая смерть забирала членов этой семьи, – сказал Юханссон с мрачной миной. – Но сестре подобное, по-видимому, не грозит.

Младшая сестра Ивара Берглунда находилась в доме инвалидов в Лулео. Нина через окно посмотрела на улицу, почувствовала, как жара давит на стекло.

– Кто-нибудь разговаривал с ней?

– Она же там из-за проблем с головой.

– Известно, насколько тяжелое у нее заболевание?

Юханссон стукнул по папке.

– Отсюда не ясно, – сказал он. – Коллеги решили, что это ничего не даст, она вроде как не в состоянии общаться, или просто не хотели ее беспокоить. Она, пожалуй, даже не в курсе, что ее братец арестован и подозревается в убийстве.

Нина встала.

– Спасибо, что уделил мне время. Когда у тебя следующий контакт с Южной Европой? Относительно других случаев?

Юханссон вздохнул.

Нина покинула его кабинет и увидела, как комиссар К., начальник Криминальной разведслужбы, исчез в своем офисе, она поспешила за ним и постучала по косяку его двери.

– Извини, – сказала она. – У тебя есть время?

Комиссар держал в руке кофейную кружку, и его гавайская рубашка была расстегнута почти до пупа.

– Самой собой, Нина, о чем речь?

Комиссар относился к нетипичным полицейским начальникам, и это касалось не только его необычных нарядов и ужасного музыкального вкуса (он обожал конкурс Евровидения), но прежде всего образа мышления и простого отношения ко всему, чего он не понимал. За год работы под его началом в ГКП Нина привыкла к грубой манере шефа разговаривать и неформальному стилю руководства и воспринимала это как должное.

– Мне надо съездить в Лулео и пообщаться с сестрой Ивара Берглунда.

Комиссар сел за свой заваленный бумагами письменный стол и нахмурил брови.

– А она разве не чокнутая? Живет вроде как в богадельне?

– Ну да, – подтвердила Нина. – Но она, пожалуй, в состоянии общаться, мне в любом случае хотелось бы это проверить...

Комиссар колебался.

– У нас нет причин беспокоить ее, речь идет о неприкосновенности личности. Сколько ей лет?

– Около пятидесяти, – сказала Нина.

Он почесал голову.

– Больная на голову тетка? Затребуй ее историю болезни и проверь, что с ней не так...

Он потянул к себе какую-то папку, всем видом показывая, что разговор окончен. Нина задержалась в дверях.

– Было еще одно дело... Оно касается убийства Жозефины Лильеберг.

Шеф поднял на нее глаза, он явно был удивлен.

– Жозефины? – переспросил он. – Я же сам занимался им, мое первое дело в отделе насильственных преступлений...

Нина выпрямила спину.

– Анника Бенгтзон из «Квельспрессен» позвонила мне вчера. Она собирается вернуться к этой теме и поинтересовалась, можно ли ей взглянуть на материалы предварительного расследования, неофициально то есть...

Комиссар допил остатки кофе и поморщился.

– Почему она не позвонила мне?

– Ты же шеф, у тебя нет прямого номера. Прокурорша дала ей список свидетелей, он уже не такой и секретный.

Комиссар с шумом поставил кружку на стол.

– Все бумаги у нас?

– Да, среди признаний Густава Холмеруда.

Комиссар громко застонал, услышав это имя. Потом он довольно долго молчал.

– Я помню Жозефину, – произнес он наконец. – Ее парень сделал это, настоящий подонок. Дружки обеспечили ему алиби, иначе он от нас никуда бы не делся. Никому не повредит, если Бенгтзон покопается в этом деле. И даже более того. Если «Квельспрессен» снова помещает кашу, пожалуй, может всплыть какой-нибудь таракан. Дай ей копии бумаг и напomini о защите источника информации. Она не должна их цитировать.

Он наклонился над кипой бумаг. Нина повернулась, чтобы пойти к себе.

– Кстати, – сказал он у нее за спиной. – Ты все правильно сделала, отвечая в суде. Этот дьявол виновен, пусть попотеет. Он должен знать, что мы проверяем его.

Шеф читал «Квельспрессен».

Настроение Нины немного улучшилось.

* * *

Андерс Шюман откинулся на спинку кресла, он постарался придать лицу нейтральное выражение и не позволить разгуляться охватившей его панике, хотя, пожалуй, напрасно утруждал себя. Альберт Веннергрэн, председатель правления, стоял к нему спиной, его идиотский конский хвост слегка подрагивал из-за работающей вентиляции. Он обзревал редакцию, находившуюся за стеклянной стеной, где ничего не подозревавшие сотрудники занимались своими повседневными делами, как бы смотрел цветной немой фильм, в довершение всего не имевший даже самого примитивного музыкального сопровождения.

– Насколько большие помещения понадобятся после реорганизации, как ты думаешь? – спросил Веннергрэн, не оборачиваясь.

«Реорганизация? Реорганизация?!»

Шюману пришлось беззвучно перевести дыхание, чтобы не сорваться на крик.

– Я еще не считал, – сказал он, взяв себя в руки. – Сначала надо решить, сколько сотрудников потребуется для сохранения интернет-версии, увеличения количества видеоматериалов и так далее... Нам ведь еще надо сопоставить затраты на переезд, с тем чтобы частично освободить имеющиеся площади и, пожалуй, сдавать...

Председатель правления сел на один из стульев для посетителей.

– Не забудь посчитать и эмоциональную составляющую, – напомнил он.

Шюман хлопнул глазами, не понимая, что собеседник имел в виду. Веннергрэн внимательно посмотрел на него.

– Идти на компромисс и растягивать процесс во времени стоит денег. Быстрое решение без компромиссов должно обойтись дешевле, я хотел бы знать насколько.

– Ты говоришь о разнице? – спросил Шюман. – Долгий процесс, который защитит персонал от...

– Если решение принято, то лучше претворить его в жизнь очень быстро и четко, так гуманнее всего, – пояснил Веннергрэн.

Шюман столь же внимательно посмотрел на председателя правления, он не собирался отводить глаза в сторону.

– Будет трудно мотивировать столь драматичное... изменение после того, как газета принесла целый миллиард прибыли за последние двенадцать лет...

Веннергрэн кивнул в знак согласия.

– Конечно, – сказал он. – Важно, что у нас исключительно благие намерения, кто хочет, может оспаривать это. Нам надо просто-напросто довести до всех и каждого, что новостная и социальная журналистика всегда будут оставаться фундаментальной частью нашей редакционной концепции. Единственное новшество состоит в том, что мы выходим на арену, где наша публика хочет встречаться с нами, и речь, конечно, идет о больших инвестициях в техническое оснащение, это персонал должен понять.

Шюман чуть не поперхнулся, услышав это.

«Благие намерения... Кто хочет, может оспаривать».

– Значит, исключительно с целью обеспечить себе возможность заниматься серьезной социальной журналистикой нам приходится идти по пути столь резких перемен, – сказал он и с опозданием понадеялся, что это не прозвучало слишком иронично.

Председатель правления, однако, принял его слова за чистую монету, и они только прибавили ему энтузиазма.

– Точно! – воскликнул он. – Мы принимаем неслыханно трудное решение, поскольку хотим сами распоряжаться нашим будущим, берем инициативу на себя, пока у нас еще есть такая возможность.

Шюману понадобилось приложить немало усилий, чтобы спокойно продолжить разговор.

– Наши конкуренты не сидят сложа руки, ты же знаешь...

Веннергрэн наклонился вперед.

– Послушай меня, – сказал он. – Я был за океаном в прошлом месяце и встречался с шефами Гугла. Их беспокоят не конкуренты, а потребители. Наши поведенческие шаблоны меняются так быстро, что даже они не успевают за ними. Самый большой поисковик в мире! И они боятся исчезнуть!

Он поднялся и снова окинул взглядом редакцию, воплощение активности и стремления к постоянному изменению.

– Трудно понять, насколько данная медийная отрасль разовьется в ближайшие годы, но одно не вызывает сомнения: «Квельспрессен» надо принимать участие в этом процессе. Мы должны находиться в первых рядах.

Шюман не смог ничего ответить. Двадцать лет назад в ежедневных газетах страны трудилось семь тысяч журналистов. Сейчас их осталось всего две тысячи. Только за прошлый год по всей стране закрылось почти сорок местных редакций, свыше четырехсот журналистов потеряли работу. Этот происходило в Швеции в одном ритме и по тому же самому шаблону, как росли неонацистские движения. Единственной группой, увеличивавшейся в данной сфере, были кураторы и консультанты по пиару.

Веннергрэн кивнул в сторону редакции.

– Это не она была руководителем Вальтера, когда он проходил здесь практику прошлым летом?

Шюман поднялся и встал рядом с ним, у него болели оба колена.

– Они отлично сработались, – сказал он.

– Она произвела хорошее впечатление на Вальтера, он часто говорит о ней.

Бенгтзон, очевидно, почувствовала их взгляды, она подняла глаза и посмотрела в ту сторону, где они стояли за стеклом плечом к плечу. Шюман инстинктивно сделал шаг назад и повернулся.

– Как дела у парня? – спросил он и снова сел за стол.

– Хорошо, спасибо, – ответил Веннергрэн. – Получил диплом журналиста несколько недель назад.

– Жаль, что в Швеции больше нет журналистской работы, – заметил Шюман.

Председатель правления доверительно улыбнулся:

– Вальтер пойдет дальше по академической линии, собирается исследовать медийные отношения и журналистскую этику.

Шюман кивнул:

– Талантливый парень.

– Я немного сомневался, когда он захотел попасть на практику именно в «Квельспрессен», но, как оказалось, он нашел здесь интересное направление для себя. Он много обсуждал журналистскую этику и требования к таблоидной журналистике со своим руководителем, как там ее зовут? Бернтзон?

– Бенгтзон, – поправил Шюман. – Анника.

– Я читал тезисы Вальтера в один из недавних вечеров, и они показались мне довольно интересными. Он приводит различия между официозными средствами массовой информации вроде утренней прессы и государственных телевизионных новостей, с одной стороны, и таблоидами типа «Квельспрессен», с другой. Первые считаются «приличными» и «серьезными», и это связано как с их выбором тем, так и подходом к его реализации. Они освещают рынок труда и политику, спорт и войны, все традиционно мужские сферы интересов, беря за основу официальную точку зрения.

Услышанное показалось Шюману знакомым, разве он сам когда-то не разглагольствовал подобным образом?

– Все СМИ освещают войну и политику, – сказал он.

Председатель правления с азартом продолжал рассуждать:

– Да, но с разных колоколен. Вечерние газеты обычно фокусируются на личностной стороне дела, чувствах и переживаниях людей, такое отношение традиционно считается женским. И наши рассказы для простых людей с улицы, не для истеблишмента. Именно поэтому таблоиды столь презираемы и производят такое же вызывающее впечатление, как громкоголосая женщина из нижних слоев общества...

Андерс Шюман закрыл глаза.

– Я хотел бы поговорить с Анникой Бенгтзон, – сказал вдруг Альберт Веннергрэн. – Ты не мог бы попросить ее зайти сюда на минуту?

У Шюмана похолодело в животе. Подумать только, а вдруг она проговорится? Веннергрэн, пожалуй, решит, что он насплетничал, рассказал ей о частичном сворачивании деятельности?

Он резко потянулся через стол и нажал кнопку прямой связи:

– Анника, ты не могла бы заскочить ко мне?

– Зачем?

К чему все эти ее вечные сложности?

Он видел, как она вздохнула и направилась к его стеклянной закутке, неохотно открыла дверь.

– В чем дело? – спросила она.

– Я как раз рассказал Андерсу о докторской диссертации Вальтера, – сказал Альберт Веннергрэн. – Он собирается исследовать различные подходы к освещению материала в современной журналистике.

– Интересно, – произнесла Анника равнодушным тоном, стоя в дверях.

– Он часто ссылается на дискуссии, возникавшие между вами, о методах работы журналистов и этике. У тебя своеобразные взгляды на эту проблему. Ты не могла бы развить тот, который касается половой принадлежности средств массовой информации?

Анника с ошарашенным видом окинула взглядом комнату, словно искала скрытую камеру.

– Я не помню, – пробормотала она. – Каких только глупостей порой не наговоришь...

– Ты сказала Вальтеру, что «Квельспрессен» – крикливая баба из работяг, вопящая правду, которую никто не хочет слушать.

Она переступила с ноги на ногу, явно чувствуя себя крайне неловко.

– Войди и закрой дверь, – продолжил Веннергрэн. – Ты знаешь, что Андерс Шюман заканчивает работу, я хотел бы услышать твои мысли относительно его преемника.

Анника нахмурила брови.

– Вечерняя газета – это боевой фрегат, – сказала она, – где всегда мировая война. И если поблизости не разыгрывается никакое сражение, он ищет его для себя или нападает и создает свое собственное. И для него нужен капитан, который может управлять судном и понимает пропорции. Просто умения ходить под парусом и лавировать недостаточно.

Председатель правления выглядел крайне удивленным, ее слова глубоко запали ему в душу.

– У тебя есть предложение относительно достойной кандидатуры?

– Берит Хамрин, но она, очевидно, не годится, поскольку слишком порядочная.

– Кто-то с телевидения, может быть? Или из бизнеса?

Ее глаза сузились.

– Кто-то своеобразный, ты имеешь в виду? Вы хотите посадить газету на мель? Тогда возьмите любого самодовольного жлоба. Ко мне еще есть что-нибудь?

– Нет, – поспешил сказать Шюман. – Ты можешь идти.

Анника закрыла за собой дверь и удалилась, не обернувшись.

Альберт Веннергрэн задумчиво смотрел ей вслед.

– Мне нужно, чтобы как можно больше было сделано к тому моменту, когда мы обнаружим наше решение, – сказал он. – Я имею в виду структуру новой организации, затраты на сокращение, вопрос с помещением, инвестиции в техническое оснащение и лучшие кандидаты на должность нового главного редактора.

Шюман вцепился в подлокотники.

– Как мы поступим с типографией и службой распространения? Когда расскажем им?

Не только журналистам предстояло потерять работу. Типография, с которой они сотрудничали, недавно инвестировала средства в абсолютно новый упаковочный цех с самым современным оборудованием. Конечно, «Квельспрессен» была не единственным заказчиком предприятия, однако самым крупным.

– Подожди с этим, – решил Веннергрэн. – Договор с типографией истекает осенью, и у нас будут чертовски хорошие условия для переговоров.

Он потянулся за своим портфелем, матерчатым, спортивной марки.

– Да, и, естественно, крайне важно избежать любой утечки информации, – сказал он и вперился взглядом в Шюмана.

От чувства вины у Шюмана все похолодело внутри, он увидел перед собой Аннику Бенгтзон с протоколом заседания правления в руке, но, не моргая, выдержал взгляд Веннергрэна.

– Естественно, – кивнул он.

Берит поставила сумку на письменный стол и вытерла пот со лба. Анника сделала глубокий вдох и частично переключила свое внимание с офиса Шюмана на коллегу.

– Позволь мне догадаться, – сказала она. – «Роза высказывается о травле по поводу веса».

– Она ужасно обиделась, – подтвердила Берит и опустилась на свое место.

Судя по всему, председатель правления собрался уходить, он держал портфель в руке и улыбался.

– Я читала в семи крестах, что Роза переговорила со своим пиар-менеджером и поняла, какому оскорблению подверглась. – Анника отвела взгляд от стеклянного закутка.

– Роза восприняла замечание о полноте в качестве атаки на нее, как на личность, – сообщила Берит и достала свой ноутбук. – Она хотела бы расширить дискуссию, показать, что ее устраивает собственный вид. Никто не вправе указывать, какой ей быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.